

О. А. Жанситов

**ВОСПОМИНАНИЯ К. ЧХЕИДЗЕ О СОБЫТИЯХ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ НА ТЕРЕКЕ**

Оглавление:

ВСТУПЛЕНИЕ

**МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ОТСТУПЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЧЕРЕЗ
ДАРЬЯЛ В ГРУЗИЮ (март 1920 года)**

Глава 1: **ПОЛОЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 1920
ГОДА**

Глава 2: **ПЕРЕД ЭВАКУАЦИЕЙ И ЭВАКУАЦИЯ НАЛЬЧИКА**

ВСТУПЛЕНИЕ

Одним из важных источников в изучении гражданской войны в Кабарде и Балкарии являются воспоминания ее участников. Советские историки привлекали к исследованиям лишь широко доступные воспоминания борцов за Советскую власть: Г. С. Русакова, Б. Э. Калмыкова и других. В них гражданская война представлялась как борьба трудового народа, возглавляемого большевиками против эксплуататоров. Основное внимание уделялось отображению событий, происходивших в дореволюционном лагере: создание партийной организации, формирование отрядов Красной Армии, партизанская борьба с белыми. Оппозиционный антибольшевистский лагерь освещался лишь в негативном свете. В ставших доступными для современных исследователей мемуарах белогвардейцев, в частности лидеров антибольшевистского движения на юге России А. Деникина, А. Шкуро, лишь вскользь затрагиваются события в Кабарде и Балкарии.

Для полноценного освещения революционных процессов и гражданской войны в Кабарде и Балкарии, в том числе истории антибольшевистской борьбы, необходимо обращение к воспоминаниям ее участников. Однако организаторы и руководители борьбы с Советской властью в Нальчикском

округе 3. Даутоков-Серебряков, М. Анзоров, Т. Ж. Бекович-Черкасский и другие не оставили потомкам своих мемуаров, по крайней мере, они нам не известны. Конечно, было бы интересно посмотреть на события 1917-1920 годов в республике глазами «контрреволюционеров». Этот интерес был удовлетворен благодаря К. А. Чхеидзе, который являлся непосредственным участником гражданской войны в Кабарде и Балкарии, а затем описал ее в своих воспоминаниях. Будучи военным, он, как и А. Деникин, обладал талантом писателя. Впервые о Чхеидзе местные читатели узнали из работы О. Опрышко «Бывают странные сближения» (Нальчик, 1993). Рассказывая о судьбах служащих Кабардинского конного полка, он часто цитировал книгу К. Чхеидзе «Страна Прометея», а точнее ее вторую главу «Заурбек», посвященную непосредственно периоду гражданской войны. Сама книга, вышедшая в свет еще в 1932 году в Шанхае, была переиздана в 2004 году в Нальчике и вызвала большой интерес.

В Государственном архиве РФ нами обнаружена неопубликованная работа К. А. Чхеидзе «Материалы к истории отступления частей Добровольческой армии с Северного Кавказа через Дарьял в Грузию», в которой получили отражение события последних дней пребывания областей Северного Кавказа и непосредственно Кабарды и Балкарии под властью белых.

Во время гражданской войны К. Чхеидзе являлся личным адъютантом командующего Кабардинскими полками 3. Даутокова-Серебрякова, а после его гибели - личным адъютантом начальника Кабардинской конной дивизии и Правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского. Участвуя в боевых действиях, занимаясь «штабными делами», К. Чхеидзе вел дневник, в котором фиксировал примечательные события. Более того, после отступления белых частей из Нальчика в его распоряжении оказалась часть документации «белой» администрации Нальчикского округа: копии приказов, донесения с фронтов, административная и военная переписка.

В апреле 1920 года, находясь среди отступивших Кабардинских полков на территории Грузии в г. Поты, К. Чхеидзе приступил к обработке имеющихся документов, составивших своего рода личный архив, который он берег и дополнял во время «эмигрантских скитаний»: Крым, Константинополь, остров Лемнос, Болгария, Австрия. Направляясь в Прагу, К. Чхеидзе оставил свой архив в здании филиала Лиги Наций в Вене и затем безуспешно пытался получить его обратно. Ценные документы были утеряны. Обосновавшись в Праге в 1923 году, К. Чхеидзе

пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить достоверную картину пережитых им на Кавказе событий. Он пишет и издает посвященные им две книги: «Страна Прометея» и «Глядящий на солнце», печатает статьи и рассказы в журналах «Кавказский горец», «Казачий сполох», «Своими путями». В это же время К. Чхеидзе приступает к составлению «Материалов к истории отступления частей Добровольческой Армии с Северного Кавказа через Дарьял в Грузию», сверяя при этом свои воспоминания с воспоминаниями бывших сослуживцев, так же оказавшихся в эмиграции - А. Шаханова, А. Бабаева, Н. Стельмашенко. «Материалы...» состоят из двух глав. Впервой - «Положение на Северном Кавказе в начале 1920 года» - описывается критическое положение здесь белой власти, терпящей поражение на фронтах, а также столкнувшейся с партизанским движением у себя в тылу. Дается характеристика представителям белой администрации на местах - правителям национальных округов, казачьим атаманам и их взаимоотношениям с Главноначальствующим Терско-Дагестанским краем генералом Эрдели.

Вторая глава «Перед эвакуацией и эвакуация Нальчика» повествует о событиях, разворачивающихся в Кабарде и Балкарии в январе-марте 1920 года. Описываются ожесточенные столкновения с революционными отрядами, показывается отношение различных слоев местного населения к происходящему.

Полна драматизма переданная К. Чхеидзе картина отступления Кабардинских конных полков и сотен беженцев, их пребывания во Владикавказе и затем в Грузии.

Рассказывая о событиях гражданской войны в Кабарде и Балкарии, К. Чхеидзе не стремится найти правых и виноватых, показать в выгодном свете «белый» лагерь, который он представлял, и дискредитировать «красный». Тот сложный период он изображает как трагедию всего народа.

«Материалы...» К. Чхеидзе являются ценнейшим источником в исследовании антибольшевистского лагеря Кабарды и Балкарии, предоставляя в наше распоряжение множество доселе неизвестных фактов. В них подробно описываются боевые операции с участием Кабардинских конных полков, заседания Совета при правителе Кабарды Т. Бековиче-Черкасском, рассказывается о людях того времени, чьи имена впоследствии были вычеркнуты из истории или подверглись очернению. «Но эти люди, - писал О. Опрышко об участниках белого движения, -

были в истории, и каждый из них остается на ее страницах со своими деяниями, окрашенными драмой Гражданской войны, верностью долгу и мужеством на поле боя, трагедией эмиграции и «хождением по мукам».

Публикуемая ниже работа К. Чхеидзе снабжена нашими комментариями.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ОТСТУПЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЧЕРЕЗ ДАРЬЯЛ В ГРУЗИЮ (март 1920 года)

Так же, как при написании других работ (*Страна Прометея (1932),
Глядящий на солнце (1935)*), покорнейше прошу иметь в виду, что я не располагаю к настоящему времени никакими документами, относящимися к описываемой эпохе. Я говорю лишь о том, что сохранила мне моя память. Весьма вероятно, многое из происшедшего в начале 1920 года на Северном Кавказе забыто мною. Я не могу припомнить некоторые имена и даты. Однако смею утверждать, что характеристики отдельных деятелей и изображение главнейших моментов тогдашней трагедии воспроизводятся здесь в согласии с исторической истиной.

Приступая к по возможности последовательному и правдивому описанию того, как и куда отступали разбитые части Вооруженных Сил Юга России и как это происходило, позволю себе предпослать несколько замечаний о положении дел на Северном Кавказе перед его оставлением. Это необходимо для лучшего понимания дальнейших событий.

Глава 1

ПОЛОЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ 1920 ГОДА

Северный Кавказ населен туземцами, казаками и русскими, более или менее недавно переселившимися сюда из средних и южных губерний России. Отдельными островками живут здесь еще немцы (в так называемых колонках), горские евреи и еще иные представители некавказских племен, но их присутствие не имеет сколько-нибудь заметного значения для жизни края.

После революции февраля-октября 1917 года население Северного Кавказа в административном отношении было организовано с упором на национальное происхождение. Каждая народность - кабардинцы, осетины, ингуши, кумыки и т. д. имела свой особый Национальный Орган (*Национальный совет. Позже всех, в августе 1918 года, Национальный совет был образован в Кабарде. Его составили все кабардинцы, входящие в Нальчикский окружной Народный совет. Деятельность Национального совета была направлена на защиту интересов кабардинского народа в условиях разгоравшейся на Тереке Гражданской войны.*). Представители Национальных Органов создавали наднациональное объединение, которому принадлежала в некоторые моменты суверенная власть (*Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (Горское Правительство).*). Казачье население, так называемые Кубанское и Терское казачества, так же имело свои органы управления - войсковое правительство (Рада или Круг) и атаманов. Между кавказцами и казаками отношения складывались в иных случаях по добрососедски, в иных враждебно. Но так как те и другие жили по соседству уже долгие и долгие годы, то в общем их взаимоотношения обладали некоторой определенностью и устойчивостью. Что касается собственно русского населения края, то оно занимало особое положение. Большинство собственно русских населяло Ставропольскую губернию (сплошь) и некоторые города, села и хутора бывших Кубанской и Терской областей. В Дагестане русские жили только в городах (Петровск, Дербент, Темир-Хан-Шура и пр.). Русское население края резко делилось на два лагеря. Первый из них составлял огромное большинство. В него входили сельские и городские массы, почти сплошь захваченные большевизмом. Этот большевистский, или большевизанский, лагерь не был организован, если не считать коммунистическую партию, немногочисленную и скрывающуюся в подполье. Однако он был объединен единством настроения. Единство настроения состояло в отрицательном отношении к Добровольческой Армии и тяге к Центральной России, ее правительству, к большевизму. Весьма возможно, что это настроение определялось так же и тем, что оно видело, что находящиеся около них антибольшевистские силы состоят главным образом из «басурман» и «татар» - как называли они кавказцев... Ко второму русскому лагерю относились довольно многочисленные (хотя и малочисленные по составу) интеллигентские партии: социалисты-революционеры, социал-демократы, меньшевики, просто «революционеры», затем совсем уже ничтожные в численном отношении кадеты и, главным образом, бежавшие сюда из Центра монархисты. Из всей этой «пестрой компании» только кадеты и (иногда монархисты) поддерживали Добровольческую Армию. Остальные, особенно эсеры и меньшевики, пытавшиеся в свое время

(1918) возглавить антибольшевистское движение и не успевшие в этом, относились в Добровольческой Армии враждебно - открыто или скрыто.

Победы «белых армий» воодушевляли их сторонников и умножали их ряды, а поражения, приводя в уныние сторонников, поднимали дух у противников. И так как в силу неизбежной логики вещей и отношений противники «белых» радовались по одному и тому же поводу, то и получилось, что они как бы объединялись в один большой лагерь. Получалось, что, враждуя между собой в иных случаях, они составляли «единый фронт», как только дело доходило до добровольцев. Вот почему могли быть соглашения в тылу Добровольческой Армии между коммунистами, с одной стороны, и различными антибелыми силами, с другой. Например, оппозиционно настроенные к белым кооператоры входили в сотрудничество с большевиками. Правда, победив белых, большевики обуздали потом и тех же (к слову) кооператоров. Но это случилось уже гораздо позднее марта 1920 года.

В начале 1920 года выяснилось, что поход белых на Москву не удался. Отступление по главной операционной линии сопровождалось отходом других направлений. Был оставлен Царицын. Фронт, бывший некогда на Волге, докатился до Маныча, имея тенденцию спуститься еще южнее и западнее. Настроение на Северном Кавказе было тяжелое, и кое-где и паническое. Надежды на победу своими силами таяли. Оставалась слабая (поддерживаемая главным образом знаменитым «Освагом») (*ОСВАГ - осведомительное агентство. Его отделение в Нальчикском округе возглавлял полковник Такоев. Агентство занималось пропагандой среди местного населения идей белого движения.*) надежда на то, что поднимающиеся в тылу у большевиков антикоммунистические восстания отвлекут их силы и таким образом косвенно помогут «белым».

Так как средства связи находились в руках белого начальства или под его контролем, то у большинства обывателей Северного Кавказа, а также у рядовых офицеров Армии и ее солдат существовало только два способа узнать о «положении дел». Первый способ - официальная информация, так называемая сводка. Второй - слухи. Очень часто, если не всегда, сводки противоречили слухам и наоборот. Сводки были, по общему правилу, крайне оптимистичны, а слухи, наоборот, пессимистичны во всем, что касается успехов Добровольческой Армии. Есть все данные предполагать, что второй источник осведомления - слухи - искусно управлялся большевиками и им сочувствующими. Что касается добровольческой прессы, которая как раз и должна была правильно организовать настроения чинов армии и обывателей, то она (за

исключением редчайших моментов) никогда не была на высоте своего призвания.

К январю-февралю 1920 года, помимо главного фронта, колебавшегося поблизости от Ростова-Батайска, на Северном Кавказе образовался еще ряд других фронтов.

Огромную роль в борьбе за обладание Северным Кавказом играла Астрахань. В истории Астрахани за время гражданской войны - вкратце - повторилась история этого города в период покорения Кавказа: здесь была первая база русских сил. Здесь же были сосредоточены большевистские силы: военные, политико-агитационные, разведческие, финансовые и прочие, которые много раз подвергались испытаниям, но никогда не были разорены. Астрахань ни разу не была в обладании белых.

Когда определились успехи белых на Ростовском направлении, большевики сейчас же оживили свою деятельность вокруг Астрахани. От Астрахани тянулись линии к Святому Кресту, Ставрополю, Кизляру. Незадолго до окончательного падения добровольцы вынуждены были напрямч силы, чтобы отразить большевиков на второстепенных направлениях, особенно - святокрестовском.

Но помимо так сказать «внешних фронтов» внезапно стали образовываться и «внутренние». Чем были разнообразнее эти внутренние фронты, тем были они и опаснее. Все недовольные и протестующие скоплялись в отряды и отрядики и доставляли много беспокойства начальству и частям Добровольческой Армии. Так, например, появились зеленые. Отряды зеленых комплектовались из русских крестьянских жителей сел и хуторов, из русских горожан некоторых казачьих станиц. Тут уместно сказать, что с самого начала гражданской войны на Тереке некоторые казачьи станицы (например, Курская на р. Куре) были настроены в пользу большевиков. В период побед белых эта часть казаков присмирела. Но как стало известно об успехах красных, курчане и другие пошли в зеленые. Помимо зеленых были еще так называемые розовые. Розовые действовали поблизости от городов. Весь январь-февраль 1920 года отряды «розовых» беспокоили центр Северного Кавказа Пятигорск. Из кого комплектовались розовые сказать трудно. Говорили, что среди них большинство составляют дезертиры из белых частей. Назывались же они розовыми потому, что были полукрасными и полубелыми (красными и белыми войсками).

Наконец, и кавказские племена имели своих противников - белых, лишь временами прекращающих с ними активную борьбу. Так, в Горной

Осетии (то есть Дигории) постоянно оперировали небольшие, но очень сплоченные отряды керменистов. Во главе их стоял неуязвимый Симон Такоев, интеллигентный человек. Керменисты имели связь с коммунистами. Рассказывали, что нынешний «всемирноизвестный» комиссар тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе не раз скрывался в дигорских ущельях у керменистов.

Ингуши, чеченцы и дагестанцы вообще неохотно участвовали в войне. Они были вообще враждебно настроены в отношении русских. Но так как при добровольцах их враждебное отношение к русским направлялось против белых, то косвенным образом эти племена и народы как бы поддерживали красных. Эта «поддержка» определялась, повторяю, не столько тем, что для ингушей или аварцев красные были «лучше», сколько тем, что белые были плохи, и каждый противник рассматривался как союзник... У чеченцев действовал Гикало (*Н. Ф. Гикало во время гражданской войны являлся командующим советскими войсками Терской республики.*) - этот Гикало, загадочный человек, до сих пор играет роль в СССР.

В Кабарде и Балкарии имелись свои «красные». Они партизанили в отдаленных ущельях и терпеливо ожидали своего часа. Во главе их стоял балкарец Ако Гемуев, очень способный и храбрый человек. Впоследствии, уже в 30-х годах, он возмутился против советского режима, участвовал в одном из восстаний и был убит (кажется, даже казнен). Я уже имел случай указать, что в Кабарде и других мусульманских народах Северного Кавказа коммунизм шел (в 1918-1920 годах) рука об руку с шариатским движением. Главный кабардинский вождь шариатистов Назыр Катханов скрывался в Горной Осетии. Так же и он был расстрелян, кажется в 1920 году.

Известие о катастрофическом положении Добровольческой Армии содействовало подъему духа у настоящих «красных» и их разнообразных попутчиках» или сторонниках, о которых было здесь сказано.

Одновременно эти известия доставляли так сказать моральное удовлетворение всем обиженным и неудовлетворенным режимом «белых». Известный закон «хоть гирше, та иньше» действовал в полной мере. Вспоминались все старые обиды. Население аулов вспоминало реквизиции и желало белым гибели. Средние классы выражали неудовольствие по поводу возвращения привилегий высшим классам. А низшие классы негодовали против тех и других. В городах даже отнюдь не большевистская часть интеллигенции злорадствовала по поводу поражения белых, припоминая, что белые держали себя слишком гордо

или развязно, что офицеры зазнавались и т. д. Предвестники всякого падения - спекулянты - развили бешенную деятельность. Достоин сожаления, что за редчайшим исключением почти все штабы имели своих доморожденных спекулянтов, состоящих в списках штаба или не состоящих, но «сотрудничающих» с ними.

Жизнь сравнительно больших городов, как Пятигорск, Владикавказ, Кисловодск, Моздок и других страдала кричащими противоречиями. На одной стороне обилие продуктов, богатство, вино, автомобили и прочие удовольствия у г.г. офицеров и «буржуев». На другой - нищета, скудость, реквизиции, строгости и прочее у масс, у бедных - у пролетариев. Неравенство положений сильно влияло на психику городских масс и подсказало им, что «лучше равенство в пролетарской всеобщей нищете, чем такое кричащее неравенство в богатстве, под белыми сапогами».

Центр края - Пятигорск - отличался противоречиями в высшей мере. Пятигорск был сделан столицей края не белыми, но красными. Это они сосредоточили здесь в период своего владычества войска, управление, работников искусства, печать и пр. Поэтому и так же потому, что население Пятигорска вообще было более красное, чем белое, следовало бы отнестись к стилю пятигорской жизни с особенным вниманием. Но, как на зло, именно Пятигорск возмущал рядовых белых своей распушенностью, безобразным отношением к делу Добровольческой Армии, разгулом спекуляции и прочими бедами, свалившими армию.

В Пятигорске находилось управление главноначальствующего и главнокомандующего краем генерала Ивана Григорьевича Эрдели (*При А. Деникине Терская область была объединена с Дагестаном в Терско-Дагестанский край. Сюда входили область войска Терского, Кабардинский, Чеченский, Ингушский и Осетинский отдельные округа, Дагестанская область, а также выделенные в особые административные единицы градоначальства - Владикавказское, Грозненское и Минераловодческое. До Эрдели Терско-Дагестанским краем управлял генерал-лейтенант В. Ляхов.*). Лично я знаю генерала Эрдели очень мало. Встречался с ним всего лишь несколько раз, и почти всегда «отрицательно»: или при его посещениях Кабарды, или при поездках князя Бековича-Черкасского в Пятигорск (я был в то время личным адъютантом князя). Генерал Эрдели имеет репутацию храброго кавалерийского начальника. Передавали случаи, когда ему удавались так сказать «большие дела с малыми силами». Все это возможно и даже более того - кажется, достаточно достоверно. Но слава боевого начальника не всегда предвещает административные дарования. Что касается последних,

то по общему мнению генерал Эрдели таковыми дарованиями не блистал. Между тем, бурная многоплеменная жизнь края требовала от своего правителя много такта, мудрости, твердости и других качеств. На беду, главноначальствующий этими качествами не обладал и, сверх того, обладал противоположными. Он часто менял решения, относился к кавказскому населению неровно, с казаками был почти в постоянной пикировке.

В это время во главе народностей Северного Кавказа стояли Правители, а во главе терских казаков полковник, позже генерал Вдовенко, атаман. Генерал Вдовенко - отличный боевой казачий офицер, самоуверенный, спокойный, умеющий поставить себя и поддерживать свой авторитет. Он человек с хитрицей, и даже просто хитрый. В нем много презрения к людям, менее способным, чем он сам (хотя Вдовенко и скрывает свое презрение под маской безразличия, а иногда и подобострастия, как это бывало с генералом Эрдели).

Правителем Кабарды и Балкарии был тогда, как сказано, генерал-майор князь Темир-Булат Жанхотович Бекович-Черкасский. Истинный джентльмен, необыкновенно чистый, благородный человек, преданный традициям военной среды, талантливый военачальник, прекрасный товарищ для равных и заботливый командир для подчиненных. Князь находился в дружеских отношениях с генералом Эрдели. Однако не отношения дружбы, но отношения, продиктованные законом, являлись для князя определяющими... О способах управления князя в Кабарде я, по понятным причинам, распространяться не стану. Князя уважали и ценили. При тогдашних обстоятельствах это были, пожалуй, лучшие методы управления. Но повторяю, воздержусь от суждений в этой области.

Из остальных правителей можно подробней остановиться лишь на личности правителя Осетии генерала Беты Хабаева. Генерал Бета Хабаев прирожденный дипломат. Он прославился своим умением вести дела еще в Персии, где стоял чем-то вроде русского агента при дворе шаха. Хабаев очень хорошо разбирается в людях, хотя его политический кругозор не слишком широк. Однако, действуя инстинктом, Хабаев разбирается в любой обстановке. Он не очень искренний человек, не забывает о своих личных интересах. Вместе с тем, он мягок, не жесток. Едва ли он стал бы приносить вред сознательно. На должности правителя Осетии он больше воздерживался от действий, чем действовал - и в общем правильно поступал.

Если мне не изменяет память, правителем Дагестана был генерал Халилов, правителем Чечни - генерал Алиев, правителем Ингушетии - генерал Мальсагов.

Таким образом, все правители, начиная с главного, то есть генерала Эрдели, были генералами. Но разница между всеми остальными правителями и главным состояла в том, что первые были кровно связаны с народами (или войском), находившимися у них в управлении. А генерал Эрдели был здесь человек пришлый, посторонний. Казалось бы, естественно, чтобы при особе главного правителя был образован как бы Совет правителей или что-либо подобное. Такая инструкция всецело отвечала бы духу народов Северного Кавказа и находилась бы в соответствии с настроениями эпохи. Но такого Совета образовано не было. Вообще высшее управление Добровольческой Армии не отдавало себе отчета в том, что называется «национальным вопросом». Генерал Эрдели был в этом смысле вполне типичным «правителем» от добровольцев. И этим обстоятельством объясняется то, что за все время его правления край никак не находил спокойствия. А когда подошел момент ликвидации, между населением края и его главным правителем не нашлось ни одной связующей линии. Мало того, уже за несколько недель до эвакуации Пятигорска обозначилось, что положение генерала Эрдели в крае более чем критическое: он ни в ком не возбуждал ни симпатии, ни сочувствия.

Глава 2: **ПЕРЕД ЭВАКУАЦИЕЙ И ЭВАКУАЦИЯ НАЛЬЧИКА**

Приблизительно около Рождества Христова 1919 года члены Национального Совета, бывшего при князе Бековиче-Черкасском, собрались у князя на заседание. В Совет входили: Исхак Кармов, доктор Шогенов, еще один кабардинец (юрист), фамилию которого не могу вспомнить и Магомет-Гирей Суншев - последний от балкарцев. Народным казначеем был старик Тавкешев, а помощником князя по гражданской части - Гамид Чижокков. Тавкешев и Чижокков, обычно, принимали участие в экспедициях Совета (может быть, Совет назывался Комитетом).

Ввиду целого ряда нерешенных вопросов по управлению Кабардой и Балкарией, а также ввиду тревожного положения и отсутствия положительных инструкций из Пятигорска решено было всем вместе выехать к главноначальствующему, генералу Эрдели. Поездка состоялась.

Вагон правителя Кабарды был подан на станцию Нальчик, участники поездки расположились в нем, поехали маршрутом Нальчик - Котляревская - Прохладная - Минеральные Воды - Пятигорск (потом заехали некоторые члены этой своеобразной делегации и в Кисловодск).

Уже на станции Котляревской заметно было лихорадочное состояние края. Поезда ходили неправильно. На путях стояли груженные и пустые вагоны в хаотическом беспорядке. Управление железной дорогой являло собой картину нервной суеты и неразберихи. По общему правилу комендант станции находился в убийственно-враждебных отношениях с железнодорожным начальством.

На станции Прохладной, где сходятся линии железных дорог из Кизляра, Владикавказа и Ростова, царила еще большая неурядица. Поражало огромное количество без толку слоняющихся военных. То были главным образом солдаты и казаки, но и офицеров было немало. Это ведь происходило в то время, когда фронт вопиял о недостатке людей... Значительное количество людей в военной форме составляли и больные. То там, то сям на отдаленных путях стояли вагоны - теплушка и просто пассажирские вагоны, наполненные больными. Около них сновали сестры, о чем-то хлопотали.

Вагон правителя Кабарды прицепили к поезду, идущему на север, к Минеральным Водам и Ростову. Поезд долго ожидал каких-то распоряжений. Князь несколько раз посылал меня узнать в чем дело и почему задерживают, но никто ничего объяснить не мог, комендант жаловался на начальника станции, а последний уверял, что военный надзор только губит железнодорожное дело.

Мы ехали от Нальчика до Пятигорска почти сутки. Нормально же это расстояние можно проехать за 5 часов и меньше.

На станции Минеральные Воды так же пришлось ожидать. Станция была полным-полна всякого рода публикой. Главная масса состояла из военных. Но были штатские и молодежь. В буфетном зале горели яркие огни. В этот период запрещено было продавать водку и другие спиртные напитки. Но пьяных было удивительно много. Слышались громкие голоса, даже крик. Было такое впечатление, что происходит скандал, но всем от этого очень весело.

Между прочим, население нашего вагона так же не прочь было выпить чего-нибудь согревающего. Из Нальчика мы взяли только простую аульскую араку, и ту уже давно выпили. Мне поручено было «нащупать

почву». Так как почти всюду на станционных буфетах Владикавказской железной дороги буфетчиками были грузины, я рассчитывал исполнить возложенную на меня задачу. В самом деле, мне удалось за 200 или 300 «рублей» (то есть почти за месячный оклад офицерского жалованья) купить «под полой» бутылку коньяка.

Не лишено интереса еще одно обстоятельство, которое в ту пору казалось комичным, а сейчас вспоминается как еще одна зловещая черта происходившей трагедии. Я встретил одного дальнего своего родственника. Он ходил по вокзалу, держа в руке небольшой увесистый чемодан. Оказывается, он ехал в Пятигорск и проспал поезд (был выпивший). Узнав, что я нахожусь в салон-вагоне, он стал проситься туда и предложил так называемый бакшиш, то есть награду. Для шутки я спросил: какой дашь бакшиш? Он показал содержимое чемодана: там были бутылки, наполненные до краев чистым спиртом.

- Самая лучшая валюта, - сказал он. - Со спиртом куда хочешь можно пройти.

И он был прав - и я польстился на спирт. Устроил его в дальнем уголке вагона. Зато мы имели не только коньяк, но и водку.

В Пятигорске настроение было одновременно и беззаботно-веселое, и паническое, и возбужденно-самонадеянное. Чувствовалось, что зарвавшиеся игроки ставят ва-банк; что они, хотя и не очень веря, все-таки допускают, что «вывезет нелегкая».

Лично я ни в каких заседаниях не участвовал. Но наблюдая за старшими членами компании, выводил заключение, что они чем-то крайне недовольны. Отчетливо помню, что несколько раз говорилось о том, что между штабом генерала Эрдели и казаками (то есть атаманом) происходят натяжения и что это дурно отзывается на всем ходе дел. Говорили так же и о фронте. Из главного штаба армии приходили успокоительные вести. Главный штаб все еще надеялся, что фортуна обернется к нему. Вместе с тем, в Пятигорске ходили определенные слухи о Новороссийске, о том, что там идет непрерывная погрузка на корабли. В ответ на эти слухи в военной среде говорилось о необходимости сосредоточения всех войск на Кубани, о твердом решении штаба армии защитить Северный Кавказ, главным образом Кубань и Терек. Помню, что кто-то из старших военных, с которым пришлось беседовать на эту тему, утверждал, что для судьбы Добровольческой Армии еще лучше, что она - армия - сосредоточится в одном районе. Этот военный проводил параллель между войной кавказских народов и Россией и приравнивал Добровольческую Армию к

кавказским народам. Но, добавлял он, имея такую прекрасную базу, как Кавказ, мы в то же время имеем на своей стороне все симпатии русского населения и помощь союзников. Мы тут отсидимся, а потом пойдем победным маршем на Север.

К разговорам подобного рода добавлялось иногда, что Закавказье - Грузия, Армения и Азербайджан - готово вступить в дело, поддерживая белые войска.

... Я несколько раз навестил своих знакомых офицеров из конвоя генерала Эрдели. Этот конвой состоял из нескольких настоящих хороших боевых офицеров, затем из так называемых жоржиков и просто проходимцев. В соответствии с этим комплектовался и состав рядовых всадников конвоя.

Мои приятели жаловались, что приходится много служить, так как в самом городе и около него беспокойно. Чтобы потом не возвращаться к конвою, скажу тут же, что судьба одной из его частей была трагична. А именно: перед оставлением Пятигорска генерал Эрдели отправил сотню конвоя в окрестности Пятигорска, против зеленых и розовых. Командовал сотней молодой князь Девлет-Гирей Бекович-Черкасский. Он был убит и, кажется, его тело было растерзано. Много конвойцев было убито и пленено.

Тяжелое впечатление производили дурные слухи о штабе генерала Эрдели, в особенности о его личной жизни. Много обвинений возводили на его супругу. Добавляли, что будто бы генерал желает «откупиться» от первой своей жены, чтобы «взять вторую». Была ли тут крупица истины или не была - судить не берусь. Но слухи такие были и они увеличивали общую сумятицу, подавленность, смешанную с бесшабашным весельем.

В Кисловодске состояние умов было, с одной стороны, более солидное (и там веселились, но не столь буйно), а с другой, более определенное. Там просто говорили: «армия добровольцев играет в ящик», то есть ей приходит конец. И на вопрос почему это так отвечали: граф ММ продал дачу и уехал на Ривьеру... князь ХХ ищет покупателей... баронесса УУ получила от Великой Княгини такое-то письмо, где сообщается, что... и т.

д.

Словом Кисловодск, наполненный, как тогда выражались «недорезанными буржуями», был хорошо осведомленным. Кисловодск потихоньку эвакуировался. Однако я встретил там и оптимистов. Один личный мой знакомый, богатый человек, горец, скупал всякую недвижимость, какую только мог. Он говорил, что деньги ничего не стоят, а дома и земля всегда будут высоко цениться. А когда ему говорили, что

придут большевики, он смеялся и отвечал: да, они придут и снова уйдут. А купчие крепости я зарюю в Эльбрусе, никто их не найдет, только я и мои сыновья будут знать, где их надо искать... придет время и я верну себе или детям свое состояние.

По возвращении в Нальчик опять началась жизнь, условно называемая нормальной. Учреждения действовали, граждане жили, трудились, веселились. Иногда спрашивали друг друга: что делать? Ведь скоро придут большевики! Но слишком долго не задерживались на этом и снова веселились. Дамский комитет устраивал балы и концерты.

В Нальчике находились: учебная команда Кабардинской конной дивизии, пулеметная команда, команда выздоравливающих, гарнизон (так называлась пешая рота под командой капитана Мищенко, несшая караулы в тюрьме, казначействе и прочих публичных местах) и комендантская команда. Сверх этого при Правителе Кабарды находился еще небольшой конвой, охранявший дом, где жил князь. Конвойцы были одновременно и ординарцами.

Ежедневно в приемной князя собирались г. г. офицеры (и штатские, имевшие отношение к управлению) и разговаривали о делах. Как в таких случаях бывает, собеседники делились на оптимистов и пессимистов. Достоин упоминания, что из штаба армии сведения почти не поступали. Приходили «сводки», но без комментариев. Из Пятигорска сведений поступало больше, но и они не имели руководящего характера. Нередко бывало, что в приемной князя, в разговорах, ссылались на чьи-либо частные сведения. Говорил, например, полковник Александр Петрович Альбрехт (по прозвищу Шар, георгиевский кавалер; слышал, что нынче он живет во Франции и открыто перешел к «масонам»): «Бои идут сейчас севернее Тихорецкой, я знаю это от Анны Семеновны, получившей письмо из Екатеринодара». На это кто-нибудь возражал: «А я был сегодня в парикмахерской, там говорят, что Тихорецкая уже сдана»... В скобках замечу, что о нальчикском парикмахере было известно, что он сочувствует коммунистам. Он был при коммунистах в каком-то культурном отделе. Белые его не трогали, так как это был действительно мастер своего дела. Но следили за ним. Незадолго до эвакуации парикмахерская превратилась в своего рода клуб: тут многие сходились узнавать новости. Без сомнения, парикмахер имел осведомления подпольного характера.

В январе месяце князь был вызван в Пятигорск. Ему поручено было руководство Святокрестовским фронтом, который разросся до

угрожающих размеров. Князь выехал из Нальчика, поручив мне следить за безопасностью дома: княгини, хозяйство и пр. Уже тогда я понял, что князь не очень доверяет нальчикскому гарнизону. Как оказалось впоследствии, его недоверие имело основания.

Князь недолго пробыл на фронте. Я даже не знаю в точности: удалось временно ликвидировать фронт или же князь был заменен каким-либо другим военачальником.

По мере того, как положение «белых» на царицынском фронте удушало, «красные» проявляли все большую энергию со стороны Астрахани. В январе Кавказская армия (которой ранее командовал генерал Врангель) отошла к Манычу. Это воодушевило красное командование Астрахани, оно предприняло ряд активных действий, в результате которых наш фронт передвинулся от Астрахани к Святому Кресту. Стояли морозы. Условия для операции были в высшей степени неблагоприятные. Местность вокруг Святого Креста пустынная. А то редкое население, которое там имелось, было настроено не в нашу пользу.

Однако, покуда держался фронт против Ростова и на Маныче, нельзя было считать Святокрестовское направление потерянным окончательно. Мало того, обстановка на Северном Кавказе настоятельно требовала удержания этого фронта. Пятигорский штаб приложил усилия к усилению Святокрестовского направления. К стоявшему на фронте Кабардинскому конному полку - 5-му, под командой полковника Гольдгара - были посланы пополнения из Нальчика. Вместе с Кубанскими пластунами, артиллерией и многочисленными пулеметами фронт кое-как держался. Сверх тех частей в начале февраля на фронт прибыл Александрийский гусарский полк - полк «бессмертных гусар». Надо отметить, что полк по общим отзывам прибыл в блестящем виде; его состав, качество лошадей, вооружение и прочее не оставляли желать (по тогдашним временам) ничего лучшего.

В это время командование Святокрестовским фронтом было в руках помощника правителя Кабарды по военным делам полковника Абелова. Полковник Абелов известен своими боевыми качествами, хладнокровием и решительностью. В бытность его на австрийском фронте в 1916-1917 годах он заслужил уважение и любовь подчиненных. Полковник Абелов решил перейти в контрнаступление. Ночью были сделаны соответствующие плану наступления перегруппировки и с рассветом одного из дней конца февраля вверенный ему отряд предпринял акцию. Бой начали пластуны. На фланге находилась конница: кабардинцы и

гусары. И вот в момент, когда отдан был приказ коннице перейти в наступление, Александрийские гусары почти полностью, и даже забрав часть офицеров, ушли к большевикам. Мало того, перейдя на ту сторону фронта, они повернули коней и пошли в атаку на пластунов и кабардинцев. Это обстоятельство не только расстроило план белого наступления, но сразу определило их неудачу! Пластуны отступили, прикрываемые кабардинцами. Отступать приходилось по замерзшему болоту, поросшему камышами и высокими травами. Местами лошади и люди проваливались в ледяную воду. Наши кабардинцы потеряли много коней. Полы шуб и черкесок обмерзали, превращались в твердые корки, препятствовавшие движению. Кабардинцы и пластуны обрубали полы и шли дальше.

Красные без отдыха преследовали наши части. Дело шло к тому, чтобы задержаться где-нибудь перед Георгиевском. Именно в эти дни Пятигорский штаб отправил на фронт князя Бековича-Черкасского, приказав ему сменить полковника Абелова. Предполагалось, что к Георгиевску будут посланы еще какие-либо части: или запасные, или вновь сформированные. Но никаких таких частей не оказалось. Таким образом, защищать Георгиевск было почти некому. По словам вахмистра Алибека Шаханова, участника всех тех событий, под Георгиевском наш фронт оторвался от противника, отступил к Георгиевску. После этого, собственно говоря, никакого фронта уже не было. Пластуны разбрелись по своим станицам, а кабардинцы двинулись походным порядком к Нальчику, куда и прибыли в самом конце февраля.

В январе же мне пришлось побывать снова в Пятигорске и - потом - во Владикавказе. За те недели, которые прошли со времени моего недавнего пребывания в Пятигорске, город еще более распустился и как-то посерел. Всюду видны следы расстроенного транспорта, всюду смесь остатков богатства и грязной бедности. В ресторанах сидели пьяные объевшиеся люди, а по улицам ходили ободранные фигуры. К сожалению, приходилось видеть одетых больных офицеров, которые чуть ли не просили милостыню.

Во Владикавказе настроение было удрученное. День и ночь сюда прибывали беженцы, которые придавали городу печальный оттенок. Они спешно искали подводы и торопились перевалить Кавказский хребет - скрыться в Грузии от ожидавших их ужасов. Однако зима 1920 года была довольно суровая, часто выпадал обильный снег, возчики не решались выезжать со станций, так что иногда образовывались «пробки». В отелях и ресторанах Владикавказа шли разговоры о связи с Грузией через Дарьял и

о том, что для удобства эвакуации хорошо бы исправить Военно-Грузинскую дорогу. Одновременно говорили о том, что следует произвести всеобщую мобилизацию, что все способные носить оружие должны стать в ряды армии и победить во что бы то ни стало.

После таких разговоров публика отправлялась обычно в какой-либо притон: кабаре, ночной кабак и т. п.

Во Владикавказе я впервые понял, что в самом деле происходит нечто в высшей степени важное и ответственное. С этим чувством я возвращался в Нальчик. Возвращался я, лежа в снегу на бурке, на площадке товарного вагона: не дождался пассажирского поезда и выехал товарным. Товарный поезд долго задерживался на каждой станции. Я хорошо выспался, хотя чуть не отморозил ноги. Приблизились к станице Котляревской.

Машинист не мог не знать, что в его поезде едут пассажиры и при этом многие пассажиры должны высадиться в Котляревской, чтобы пересест в Нальчикский поезд. Как будто нарочно, машинист въехал на станцию полным ходом и не обнаружил никакого желания остановиться. Тогда я выпрыгнул на ходу, в снег. Я видел, что на других площадках стояли люди, желавшие выйти на Котляревской. Они размахивали руками, кричали, а поезд уже миновал станцию. Лишь выехав на противоположную сторону станции, машинист остановил поезд. Публика сошла на землю, и поезд тронулся дальше. Наверное эта «шутка» была сделана сознательно.

Порядок дальнейших событий несколько путается в моей памяти. Не могу вспомнить последовательности событий, но сами события вспоминаю отчетливо.

Кабардинская конная дивизия состояла из шести полков. Четыре полка находились в составе Кавказской армии генерала Врангеля на царицынском фронте. Один полк - на астраханском фронте. Последний полк, считавшийся запасным, квартировал в Нальчике, но и то не постоянно. Отдельные сотни этого полка посылались то к Астрахани, то к Кизляру, где так же временами было неспокойно.

Когда фактически распался царицынский фронт, наша Кабардинская дивизия была снята с фронта и отправлена походным порядком в Нальчик. Считалось, что дивизия идет на пополнение. Но на самом деле офицеры догадывались, что дело белых идет к проигрышу. Некоторые из прибывших офицеров радовались, что они имеют хотя бы передышку. Некоторые возмущались и говорили, что кабардинцев нарочно сняли с фронта, чтобы не перевозить в Крым, что кабардинцев оставляют на

съедение большевикам, а вот, дескать, корниловцев и прочих повезут на английских кораблях в Крым.

Остатки нашей дивизии прибыли под командой начальника штаба полковника Беликова. Начальником дивизии считался князь Бекович-Черкасский; четыремя полками на царицынском фронте командовал генерал Мудар Анзоров. Остатки дивизии прибыли прямо в Нальчик, и почти сейчас же частью были отправлены «на отдых» по аулам, частью же, с новыми пополнениями, отправлены на фронт.

Дело в том, что в эти последние недели пребывания на родной земле образовался новый фронт в самом близком соседстве. Около сел. Лескен, Койсын-Анзорово, Догужоково... стали накапливаться «красные» горцы. То были преимущественно местные «зеленые», подкрепленные керменистами из Осетии. Тут началась настоящая война. Если не ошибаюсь, в Анзорово был отправлен дивизион конницы и пулеметная команда. В числе офицеров были: есаул Борис Томашевский, ротмистр Сумбат Турпаев, корнет Стельмашенко (проживающий ныне в Праге), корнет Гедмишков и другие. Район действия «красно-зеленых» простирался от вышеперечисленных селений к Мисостову, то есть уже к Малой Кабарде. Не исключено, что задачей красных партизан было дойти до линии железной дороги и испортить ее, взорвать мосты или что-нибудь подобное. В общем, эти красные отряды большого вреда не принесли, но внесли много беспокойства в и без того тяжелую обстановку. Борьба с ними началась с нашего крупного неуспеха. Наши части были захвачены врасплох, потеряли убитыми и ранеными. Потом к нашим подошли высланные из Нальчика подкрепления и положение было восстановлено. Однако очаг восстания ликвидирован не был. Именно отсюда прибыли в Нальчик конные части «красных» после нашей эвакуации. Добавлю, что стычки в районе Анзорово-Лескен-Мисостово носили жестокий характер. Бились без пощады. Взятые были пленные, отправлены в Нальчик и частью казнены. Эти последние казни сослужили очень плохую службу «белым». В самом деле, ведь в числе «красных» были мобилизованные юноши. Расстрел нескольких юношей-горцев, произведенный в этот период в Нальчике, проведенный вопреки воли общественного мнения и чуть ли не в порядке самоуправства отдельных офицеров, - это одно из самых тяжелых событий того времени.

Правитель Кабарды и его ближайшие подчиненные старались поддерживать связь с Пятигорском и, насколько это удавалось, с другими центрами Вооруженных Сил на Юге России. На донесения о «лескено-анзоровском» фронте высшее начальство не реагировало, что, впрочем, и

понятно. Штаб армии переживал агонию, о глубине которой обитатели отдаленного Нальчика догадывались, но все-таки истинные размеры катастрофы были от них скрыты. Можно утверждать, что лишь оставление Екатеринограда и, в особенности, новороссийская трагедия показали участникам гражданской войны всю непередаваемую огромность пережитого.

Иногда в Нальчик поступали запоздалые и потому казавшиеся несколько странными, неуместными распоряжения свыше. Так, к концу февраля вдруг из главного штаба поступило распоряжение в срочном порядке организовать сбор теплой одежды для нужд армии. Не помню, делались ли попытки осуществления таких приказов? Вероятно, нет. В конце февраля в Нальчике начинаются теплые весенние дни.

Чем дальше, тем больше чувствовалась изолированность Нальчика, вообще Кабарды (и Балкарии) от развертывавшихся событий. Князь Бекович-Черкасский несколько раз собирал своих ближайших подчиненных на заседания по текущим вопросам, но никаких определенных решений вынести было нельзя за отсутствием указаний свыше и ввиду полной неясности: что, собственно, происходит? Ближайшими помощниками были: по военной части - полковник Абелов (бывший командир Кабардинского конного полка старого дореволюционного состава; полковник Абелов сложил с себя командование Кабардинским полком в марте 1918 года, оставаясь жить в Кабарде), по гражданской части - бывший судебный следователь Гамид Чижоков. Далее, на заседаниях присутствовали: начальник Канцелярии военного управления Кабарды полковник Стельмашенко, брат известного киевского деятеля протоиерея о. Михаила Стельмашенко... Командир 1-й бригады Кабардинской конной дивизии генерал Мудар Анзоров; полковник Альбрехт, состоявший при князе на должности штаб-офицера для поручений. Кажется, бывали еще полковник Беликов (не могу вспомнить когда и при каких обстоятельствах он расстался с кабардинцами), некоторые командиры полков: полковник Ануфриев, полковник князь Крапоткин, полковник Чебеняев, ротмистр граф Милорадович... Приглашался иногда и комендант города (*Комендант слободы Нальчик гвардии капитан Лебедев-Драевский.*), фамилию которого к сожалению забыл. Это был немолодой уже офицер, кажется в капитанских чинах, или же он был подполковником. Выглядел он весьма старомодно: когда приходил на доклад к князю, облачался в длинный офицерский сюртук темно-зеленого сукна с красным воротником. И держался приблизительно, как «ермоловский офицер»: с подчеркнутой героичностью, с выражениями беспредельной преданности и пр. У

подлинного ермоловца все эти качества заслуживали уважения. Но в нальчикском коменданте они чувствовались как фальшь. Я потому так долго задерживаюсь на этом лице, что с ним связана одна темная история.

А именно - вот какая.

Будущий исследователь настроений и действий Добровольческой Армии наверное остановится на тайных союзах и организациях (главным образом офицерских), существовавших в эпоху Добровольческой Армии. Насколько мне известно, до сих пор ничто, ни приход к власти генерала Врангеля, ни убийство генерала Романовского, ни история замены генерала Краснова генералом Богаевским не будут достаточно хорошо освещены до тех пор, покуда не будут выяснены обстоятельства возникновения и работы тайных офицерских организаций 1918-1919 годов. Сюда же относится вопрос о влиянии на Добровольческую Армию самого Бор. Савинкова и его агентов.

Нальчикский комендант, по всем данным, состоял в какой-то тайной организации. Он ни с кем не сходил, однако, знал о поведении каждого. На докладах у князя он держался с преувеличенной преданностью и нередко высказывал опасения о «благонадежности» тех или иных лиц - чаще всего местных, то есть горцев. В самое последнее время он вдруг стал меньше показываться. Потом князю доложили, что комендант ведет сложную интригу, втягивая в нее офицеров гарнизона. Интрига велась будто бы под флангом какой-то особой верности высшему начальству Добровольческой Армии и России. Острие интриги было (как доносили) направлено против существующих в Нальчике порядков и, в частности, против самого князя и военного управления.

Позиции князя были настолько крепки и авторитет его настолько высок, что не может быть сомнений в том, что широкого распространения подобного рода затеи иметь не могли. Необходимо предположить, что едва ли подобная затея могла бы сослужить пользу Добровольческой Армии, да еще в такое тяжелое время. Следовательно, возможны лишь два решения: или комендант принадлежал к такой же группе отчаянных оппозиционеров, как капитан Орлов в Крыму, или комендант действовал в пользу противника. Так как (насколько я знаю) ничего положительного относительно всего этого дела выяснено не было, то и я воздержусь от каких-либо выводов. Скажу лишь, что князь, со свойственной ему прямоотой, вызвал к себе коменданта. Тот явился (в своем мундире, при шпаге или при сабле, которую он все время придерживал левой рукой). Князь попросил меня выйти из приемной. Из-за дверей я слышал крупный разговор между ними. Когда этот разговор достиг слишком высоких

тонов, я без разрешения вошел обратно в приемную, и князь меня не выпроводил. В этот момент комендант вдруг склонил голову, в глазах у него показались слезы. Он говорил что-то вроде того, что он «старый служака» и как может князь «сомневаться в вернейшем ему человеке». Через недели полторы-две мы все эвакуировались, но комендант остался. Правда, в числе оставшихся были еще другие офицеры, среди которых был полковник Абелов и другие очень достойные люди. Таким образом, не желая возводить напраслину на коменданта, в заключение повторю, что случай этот неясный, темный.

Настроение обывателей Нальчика, Кабарды и Балкарии зависело главным образом от слухов. При этом следует сказать о разных слоях населения. Офицерские семьи, «буржуи» и «белая часть интеллигенции» находились то в повышавшейся, то в понижавшейся панике. Многие из них заранее готовили «чемоданы» и подводы. Обыкновенные горожане желали того, чтобы поскорее наступила нормальная жизнь. Они думали, что советская власть, овладевшая огромной частью России, устроит им такую нормальную жизнь. Беднейшие слои населения, тайные коммунисты, всякого рода «обиженные» и прочие с трудом скрываемой радостью ожидали прихода «красных».

Горское население делилось на: а) дворянство и офицерство, переживавших разочарование в Добровольческой Армии и мрачно глядевших в будущее; б) интеллигенцию, которая разбилась на два лагеря: за и против продолжения борьбы с коммунистами. Причем горское духовенство, настроенное против дворян, в своей значительной части было за установление мира с большевиками. Что касается так называемого простого народа, то здесь картина была очень пестрая. «Черный народ», то есть кара-халк, принимавший в свое время участие в борьбе с белыми и наказываемый за это, с яростью готовился кинуться на тех из своих противников, которые останутся по той или иной причине. Именно из среды кара-халк вербовались (по большей части) красные партизаны у Лескена-Анзорова. Что же касается средних и более зажиточных слоев кабардинского населения, то они частью впали в апатию, частью собирались уходить с белыми, частью старались заранее наладить отношения с будущими господами - красными. Эти последние (то есть приспособляющиеся) принесли немало вреда отступившим войскам и обозам. Желая выслужиться перед будущими своими повелителями, они демонстрировали свою неприязнь против белых.

Еще два замечания. Были среди кабардинцев и балкарцев и такие, которые не были ни белыми, ни красными. Но все-таки воевали на какой-либо из

сторон и с большим упорством. Почему? Потому, что на противоположной стороне воевали его «кровники» (кровная месть удержалась в наших краях до сих пор. В 1932 году на 40-тысячное население Ингушетии было зарегистрировано более 20 «случаев кровавой мести»). Второе замечание относится к общему обескровлению Кабарды и Балкарии в период мировой и гражданской войн. Ведь в нашем краю всего-навсего 200 тыс. жителей. И они держали в течение всей великой войны (*Первая Мировая война 1914-1918 годов.*) на фронте целый полк, а в Добровольческой Армии - шесть полков. Каждый имеющий представление о том, что значит выставить на 200 тыс. населения шестиполковую дивизию, поймет меня без дальнейших пояснений. А кто таких представлений не имеет, тот пусть вооружится карандашом и бумагой и произведет расчет исходя из минимума 500 сабель на полк (а каждый полк имеет команды: пулеметную, обозную и т. д.) Но сверх обрисованных здесь слоев населения существовало еще смешанное общество, жившее в городе и нередко задававшее тон. В числе этого общества были и «нефронтовые» офицеры, и спекулянты, и актеры, и всякого рода девы и девицы, и дамы с общественными связями и т. д. Эти-то «сливки» больше всего распространяли то панику, то энтузиазм. В этой же среде прежде всего сказалось разложение армии и (если так можно выразиться) «добровольческой государственности», поскольку таковая сложилась за 2-3 года... В этой среде (всегда пьянствовавшей) начались буйство, безобразия, явное неподчинение властям, дискредитация всего и вся... словом, проявилась тенденция, о которой Достоевский сказал, что в ее сердцевине лежит стремление получить и осуществить право на бесчестие... Особенно отличался некий поручик В-ин. Его связывали, арестовывали, и он снова напивался и безобразничал. Такого рода поручиков было, увы, немало.

Незадолго до эвакуации военнослужащим были выданы деньги: жалованье и пособия. Деньги стоили тогда так низко, что целые вороха «бумажек» почти ничего не стоили. Торговцы принимали их неохотно. До последнего времени лучше всего ходили деньги николаевские, Керенские и терско-дагестанские. Под полой принимались и советские.

В самом конце февраля князь созвал у себя в кабинете-приемной совещание начальников приблизительно в том составе, который приведен мною выше. Князь сказал краткое слово о том, что на нынешнем этапе борьбы с коммунистами акция белых находится в таком-то и таком-то положении. Сделал обзор ситуации на фронтах и пришел к заключению, что мы больше не можем оставаться в Нальчике без риска быть захваченными.

Подчеркиваю: в дальнейшем князь сказал, что так как не имеется инструкций относительно того, куда отходить вооруженным силам, собранным в Нальчике и окрестностях, то он предполагает каждому из присутствующих изложить свое мнение.

Следовательно (!!!) ни штаб армии (который был далеко), ни штаб генерала Эрдели в этот момент уже не осведомлял «вверенные им части», не руководил ими... А что касается пятигорского штаба, то, по всей видимости, он не очень то и интересовался этими самыми «вверенными частями». Сужу так на основании всего виденного в Пятигорске, и также на основании рассказов знакомых о том, что происходило в Пятигорске в дни, предшествовавшие эвакуации. Происходили там хаос и кутерьма. Но в этом хаосе штаб не переставал заботиться о себе. Определенно говорили (называя имена и цифры) кто сколько и с чьей помощью вывез денег, драгоценностей и пр. Спекуляция была главным занятием едва ли не двух третей всего пресловутого штаба.

... На совещании, созванном князем, первыми должны были высказываться младшие. Я был самым младшим и, кажется, единственным молодым и, вероятно, чтобы внести большую сплоченность, князь приказал говорить мне первому. Хорошо помню, что я, под влиянием «героических решений», царивших в те дни среди молодых, высказывался за то, чтобы собрать лучшие части, вооружить их и т. д. и вести на соединение с Добровольческой Армией, то есть в направлении на Кубань (где именно находилось ядро Армии никто не знал). Что касается беженцев и обозов, то предлагал отправить их с небольшим прикрытием на Владикавказ - Дарьял - Грузию. Помню, что мое слово вызвало несколько улыбок, несмотря на трагичность положения. Если не ошибаюсь, полковник Альбрехт проговорил: «и Армию не найдете, и беженцев Вам перережут, как кур». Огромное большинство присутствовавших высказалось за отступление на Владикавказ. Это же мнение разделял и князь.

В эти дни сношения с Пятигорском поддерживались больше случайными приезжими и теми из кабардинцев, которые по каким-либо делам (верхами) ездили между Пятигорском и Нальчиком.

Ежедневно ходил поезд между Котляревской (лежащей на линии железной дороги между Минеральными Водами и Владикавказом) и Нальчиком. Но редкие путешественники могли сообщить удивительно мало и бестолково. Воистину никто ничего не знал: не знали не только то, что делается за несколько десятков верст, но даже то, что делается в

соседнем ауле или селении. Эвакуация Нальчика была назначена на 4 марта (1920). Дня за два до эвакуации правитель Кабарды решил устроить своего рода собеседование с представителями местного общества: служилого и неслужилого. С этой целью в одном из помещений местного реального училища были собраны г. г. офицеры, часть интеллигенции, чиновники и пр. Присутствовали и дамы, они поместились в соседней комнате и слушали все, что говорилось на собрании. Князь изобразил в кратких словах создавшуюся обстановку. Закончил сообщением о принятом им решении эвакуировать столицу Кабарды и Балкарии - Нальчик... Как это не удивительно, но должен отметить, что настроение на описанном собрании было довольно приподнятое и отнюдь не трагическое.

Не лишено интереса следующее обстоятельство, показывающее насколько разъединены были отдельные пункты (города) Северо-Кавказского края в этот период. Когда мы прибыли во Владикавказ (кажется, 8-го или 9 марта), то имели удовольствие прочесть в тамошних газетах, что «большевики захватили Нальчик врасплох, загнали белых в здание реального училища, часть осажденных в этом здании перестреляли, часть сожгли живьем».

Ночь перед эвакуацией проходила тревожно. По городу ходили патрули. Необходимо было охранять спокойствие и порядок не только против тех, от кого можно было ожидать всякого рода эксцессов, но и против своих же всадников, солдат и офицеров. Известие о эвакуации придало отваги большевизанствующей части населения, и в то же время распоясало инстинкты у неблагонадежных элементов. Увы, к таким элементам пришлось отнести, между прочим, и начальника милиции, прапорщика Од-ва. Прапорщик, мужчина атлетического сложения и бешеного нрава, так сказать, сорвался с нарезков. Утром 3 марта, после ночи, проведенной в пьянстве, он появился в Горском сквере (Горский сквер расположен под окнами дома, где жил Правитель). В руках у Од-ва был карабин, за поясом виднелись рукоятки двух револьверов. Он ходил, как зверь, по парку и угрожал прохожим немедленным расстрелом. В самом деле он находился в полубезумном состоянии... Некоторые офицеры-кабардинцы предлагали князю пристрелить г. Од-ва. Но князь противился этому. Вероятно, потому, что предвидел, что начать стрельбу в эвакуирующемся городе легко, а прекратить ее гораздо труднее... Вызвали кого-то из друзей Од-ва и они увели его домой проспаться. (Замечу в скобках, что этот г. Одинцов вывез из Нальчика много всякого добра. Рассказывали, что добро сие собрано было им всевозможными средствами. При выезде из Владикавказа Од-ов несколько запоздал. Его оплошностью

воспользовались ингуши и отбили у него и повозку, и коня, отобрали оружие и пустили его буквально без штанов догонять ушедшие впереди части. В начале 1921 года г. Од-ов поступил в Константинополе в Иностраннный Легион. Его дальнейшая судьба мне неизвестна).

Всю ночь происходили сборы. Почти никто не ложился спать. В доме правителя беспрерывно толкались люди. Со всех сторон слышались мольбы о лошадях и подводах. Подводы добывались легально (распоряжение соответствующих властей) и насильно. На этой почве было много недоразумений с местным населением и населением ближайших аулов.

Некоторые всадники приходили к князю, прощались с ним и объясняли причину, по которой они остаются: у одного в доме больные, у другого нет коня, у третьего не остается в доме ни одного работника и т. д.

Неожиданно пришли полковник Абелов и полковник Стельмашенко и сказали, что они выедут. Полковник Абелов боялся за свою семью. У полковника Стельмашенко лежал в тифу сын. Кроме них остался в Нальчике бывший начальник округа полковник Клишбиев (*С. Клишбиев - до революции - начальник Нальчикского округа. В 1919 году некоторое время являлся помощником правителя Кабарды по гражданской части. Затем помощником правителя Чечни по гражданской части. Вернувшись в Кабарду, возглавил «Комиссию при правителе Кабарды по выявлению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками».*), в «контрреволюционности» коего не было никаких сомнений. Всем им пришлось впоследствии испить чашу страданий. Их долго держали в тюрьме, а в конце концов расстреляли. Та же участь постигла подполковника Мамышева (*10 Б. С. Мамышев в феврале-октябре 1917 года командовал запасной сотней Кабардинского конного полка. В сентябре 1918 года примкнул к З. Даутокову-Серебрякову, организовавшему антибольшевистское движение в Кабарде и Балкарии. В 1919 году некоторое время возглавлял Отделение государственной стражи в Нальчикском округе.*) и многих других - вечная им память.

Но сверх остававшихся так сказать легально, оставались и тайно. Так, например, решили продолжать партизанскую борьбу Темиркан Шипшев, Барасби Темирханов, есаул Борис Лавров. Все они действовали в районе Кабарды и Балкарии. Об их деятельности следовало бы написать специальный очерк. (Здесь отмечу, что все трое, один за другим, были пойманы и расстреляны: между 1922-м и 1925 годами). Кто уходил из Нальчика, вообще из нашего края? Уходили, прежде всего, «пришлые», то

есть те, кто в свое время уже проделал однажды подобную эвакуацию из своих родных мест. Этот разряд людей уже давно назывался беженцами. Эти люди вообще не разлучались с чемоданами. Далее, уходили офицеры и дворяне. Уходили участники активной борьбы с коммунистами: всадники, кое-кто из администрации, политические деятели эпохи Добровольческой Армии.

К вечеру 3 марта население Нальчика выросло на несколько тысяч. Сюда относятся не только те, кто уезжал, но и те, кто провожал уезжавших. Такого количества людей, коней и подвод Нальчик наверное никогда еще не вмещал в своих стенах.

После дождливой ночи встало прекрасное весеннее утро. На улицах, на дорогах вспухла грязная земля, а сверху улыбалось празднично омытое небо, сияющее радостью. Даже и в эти минуты наряду с печальными лицами и плачущими глазами нередко попадались веселые физиономии.

Определенно чувствовалось, что нечто закончилось и нечто начинается. Было ощущение некоей неуловимой легкости, странно смешанной с удручением и тоской.

За околицей Нальчика, по дороге к Докшукину, вытянулись колонны всадников и бесконечная «кишка» обозов. Шесть полков Кабардинской конной дивизии были в сборе. В рядах находились не только действительные члены дивизии, но и множество конных добровольцев «последнего призыва». Молодежь гарцевала, офицеры командовали. И лишь суровые лица старших напоминали ради какого дела выступили полки в поход.

Уже мы проехали километра полтора, как вдруг князь вспомнил, что не совершил формальной передачи города тем властям, которые придут после ухода добровольцев. В промежутке времени между уходом «белых» и приходом «красных» власть все-таки должна кем-то осуществляться. Нет ничего губительнее для обывательского населения, чем безвластие, то есть анархия. Правитель приказал мне вернуться в оставленный город и произвести передачу власти от его имени. Власть в городе должна была быть передана городскому управлению, вернее - его главному представителю - городскому голове.

Я повернул коня и через несколько минут выехал (в сопровождении вестового Хусейна) на главную (Боронцовскую) улицу Нальчика. Первое время впечатление от города было такое, что вижу перед собой опустевший вымерший улей. Только где-то по краю улицы пробирались

какие-то незаметные, неприметные, ступшевывающиеся фигуры. А ведь всего час или меньше часа назад здесь бурлила напряженная, я бы сказал, лихорадочно-напряженная жизнь...

Но раздумывать долго не приходилось. Я сошел с коня и направился в городское управление. В коридоре мне встретился полуслепой сторож, не сразу понявший кто я: белый или красный (за время революции власть в Нальчике менялась два раза). Никого из членов управы в помещении не оказалось. Не было и городского головы г. Кривчика. Я вынул из сумки бланк правителя Кабарды и написал (приблизительно) следующее:

**Адъютант
правителя Кабарды и начальника
Кабардинской конной дивизии
4 марта 1920 года
Нальчик**

Городскому голове г. Нальчика

По приказанию правителя Кабарды и начальника Кабардинской конной дивизии генерала князя Т. Бековича-Черкасского предлагаю Вам взять на себя управление городом

Корнет князь Константин Чхеидзе

Это «kozyряние» чинами я сделал с умыслом. Пусть, дескать, остается на память. Разумеется, в этом была большая доля молодого задора и мальчишества.

Когда я выезжал снова за околицу города, из крайних домов выглядывали весьма недружелюбные лица. Будь отряд побольше, меня бы не выпустили так легко.

Между тем отряд вытянулся по дороге на юг, имея своей ближайшей целью соединение с другими частями Добровольческой Армии во Владикавказе. А что нас ожидало в дальнейшем - было (как говорится) покрыто мраком неизвестности.

Во Владикавказ мы прибыли, если не ошибаюсь, 8 марта. По пути сопровождали нас различные приключения, из которых приведу следующие. Очень важно было сохранить в частях и в обозе надлежащий порядок и дисциплину. Мы проходили местностью, заселенную довольно беспокойным элементом. Тут были казаки станиц Котляревской,

Пришибской, Змейской... Направо от дороги находились осетинские селения (Эльхотово, Ардон, Христиановское, Ново-Магометановское), поставлявшие значительное количество керменистов - осетинских большевиков. Налево от дороги лежали ингушские селения. Ингуши - это воинственное племя, жаждавшее воевать со всеми, кого они надеялись победить.

Кажется, в станице Змейской произошел такой случай. У есаула Вдовкина, очень храброго и столь же нервного человека, был упрямый вестовой. Есаул Вдовкин взял его из пленных красноармейцев. Говорили, что когда Вдовкин пощадил своего будущего вестового и вместо того, чтобы его расстрелять или отправить в тюрьму определил его к себе, что он, Вдовкин, взял с вестового расписку такого содержания: что-де нижеподписавшийся солдат такой-то считает, что жизнь ему подарена господином есаулом Вдовкиным и что в дальнейшем он, вестовой, отдает свою жизнь и смерть в распоряжение есаула. Нрав у есаула Вдовкина действительно отличался большими странностями. Возможно, что такая расписка существовала. Так вот, по мере того, как отряд все дальше удалялся от местожительства вдовкинского вестового, этот последний вел себя (по словам Вдовкина) все более распущено и вызывающе. Вдовкин несколько раз предупреждал его, что жестоко накажет за непослушание. В станице Змейской есаул Вдовкин донес «по команде», что нынешней ночью вынужден был лишить жизни своего вестового. Вдовкин объяснял, что вестовой хотел бежать. Чтобы вестовой не убежал, есаул Вдовкин зарезал его кинжалом. Этот случай сделался известным. Он принес много огорчений начальникам и внес расстройство в настроения подчиненных. Есаула Вдовкина считали содержавшимся под домашним арестом. (Впоследствии Вдовкин участвовал в десанте на Кубань и, по слухам, погиб там летом 1920 года).

Под сел. Ардон отряду пришлось выдержать столкновение с керменистами. Дело разыгралось так: под вечер голова отряда втянулась в сел. Ардон, расположенное на плоскости. Керменисты засели в зарослях у края селения и в крайних домах. Они пропустили войсковые части и потом открыли огонь из винтовок и пулеметов по середине колонны, то есть по беженскому обозу. Это случилось в момент, когда коляска князя, в которой сидели княгини, жена генерала Анзорова с дочерью и полковник Ал. Альбрехт, въезжала на мост через речку. Может быть, керменисты предполагали, что в коляске находится и князь. Началась паника. Однако из хвоста колонны быстро подоспела конница (арьергард), которая на рысях, по ужасному каменному грунту, пошла в атаку на невидимого

противника. В скором времени Ардон был очищен от керменистов. Пострадавших с обеих сторон было немного.

Недалеко от знаменитого столба - колонны Татартуб (описанного и Пушкиным и другими) - к отряду присоединилась группа осетин. Часть их выехала навстречу нам из близлежащего сел. Эльхотово. Осетины были осведомлены, что все «богачи и буржуи» Нальчика, Пятигорска и Кисловодска едут в обозе, и решили облегчить их багаж. В самом деле, в виду Владикавказа нам попало несколько подозрительных всадников. Но никаких неприятностей (на сей раз) от ингушей не последовало. Ведь им пришлось бы иметь дело не столько с «буржуями», сколько с шестью полками лучшей конницы Кавказа, а может быть и не одного Кавказа - с кабардинцами.

К счастью, все время стояла хорошая погода. Зрелище въезда кабардинцев во Владикавказ было очень эффектным. Сотня за сотней, полк за полком, с песнями, зурной, гармонью въезжали кабардинцы в встревоженный город. Въезд тянулся часа два или полтора. По обеим сторонам улиц стояли толпы народа. Они уже давно не видели таких дисциплинированных частей, сразу возникли надежды, слухи, разговоры о том, что кабардинцы пришли защищать («спасать») Владикавказ. Во всяком случае - факт, что в эти дни кабардинцы составляли единственную сплоченную надежную и достаточно многочисленную воинскую часть владикавказского «гарнизона». Не будь кабардинцев - население Владикавказа, безусловно, подверглось бы всем тревоблениям и ужасам анархии.

Положение было такое: с севера приходили какие-то обрывки полков, отрядов. Иногда вдруг буквально прибежали полураздетые люди. Это были белые, вырвавшиеся из красного плена, удравшие от зеленых и просто от бандитов. Предместья города, лежащие в стороне ингушских аулов, почти каждую ночь подвергались налетам. Да и днем в той стороне было опасно ходить и ездить. На вокзале стояли два бронепоезда, обслуживаемые офицерами. Один из бронепоездов все время оставался на вокзале для охраны города. Другой крейсировал до станции Беслан: сопровождал пассажирские поезда и разгонял банды, намеревавшиеся напасть на город. Наконец, керменисты. Они только и ждали удобного случая, чтобы ринуться на Владикавказ с целью захвата власти, оружия, денег и т. д. Не последнюю роль играл и вопрос кровной мести.

В самом городе постоянно опасались восстания слободок. Под Владикавказом расположены слободки: русская и осетинская. Они

населены беднотой. Отсюда исходил местный большевизм (осетинская слобода иногда бывала опорой белых, но русские всегда и определенно поддерживали красных). К моменту, когда в город вошли кабардинцы, собственно владикавказский гарнизон (за исключением корпуса и части отставших) уже эвакуировался. В городе был беспорядок как в отношении гражданском, так и военном. Формально начальником считался генерал Эрдели - он со штабом и беженцами прибыл поездом. Но генерал Эрдели был беспомощен. Правитель Осетии генерал Хабаев держался как-то в стороне. Правителя Ингушетии генерала Мальсагова вообще не было видно. Фактически охрана населения легла на плечи кабардинцев и их начальника. Наши полки были расположены в разных частях города, несли караульную службу. Ежеминутно в штаб Кабардинской конной дивизии, в отель «Париж» прибывали люди, прося о защите, о подводах и т. д. Все, кто имел какую-либо заботу, шли сюда.

Интересно, что в этом хаосе все-таки нашлись политические деятели, предлагавшие свои проекты. Часть членов бывшего (в 1918 году) Терско-Дагестанского правительства созвали экстренное совещание и вынесли предложение: объявить самостоятельность Северо-Кавказской Республики. Они проектировали переждать остаток весны во Владикавказе с тем, чтобы объявить всеобщую мобилизацию горцев. Они рассчитывали объединить горцев, соединиться с Дагестаном. Они думали, что помощь может быть оказана Грузией и, может быть, Арменией. План был широкий. И эти деятели так же строили свои предположения, опираясь на военную силу все тех же кабардинцев. Князь понимал, что все эти попытки являются ничем иным, как агонией отмирающего порядка вещей. Между прочим, упомянутые только что политические деятели считали, что генерал Мальсагов недостаточно популярен среди ингушей. Поэтому они обратились к известному ингушскому офицеру Заурбеку Ахушкову с просьбой и предложением стать во главе своего народа. Заурбек Ахушков (кажется, ротмистр), по слухам, соглашался возглавить свой народ с условием, что его провозгласят Правителем Ингушетии. Заурбек Ахушков - человек большой славы. Он описан в одном из романов Брешко-Брешковского (романов военного времени) как величайший герой. В самом деле, то был человек огромной решительности и силы воли. Провозглашения его Правителем Ингушетии не последовало. И сам Заурбек Ахушков чаще всего сидел в очень шумной и веселой компании в зале-ресторане отеля «Париж», угощался и угощал других. Он призывал желающих остаться в крае для продолжения партизанской войны с красными. Что с ним было потом не знаю.

Как уже сказано, отель «Париж» сделался центром жизни города во всех отношениях. Внизу, в ресторане, широкой рекой лилось вино. Там было буйно и весело. А наверху, в штабе было тоже очень шумно, но невесело. Тут были и мольбы, и слезы, и жалобы и т. д. Чаще всего приходили жены (вообще семьи) офицеров или уже выехавших из города, или еще не прибывших. Жены умоляли спасти их и детей. Надо было бы мобилизовать необходимое количество подвод. Подводы приходилось брать из окрестных селений и слободок. Подводчики требовали гарантий, денег и т. д. Все это невозможно описать. Это можно лишь пережить. За три-четыре дня пребывания во Владикавказе я лично спал не более 10 часов. В последнюю ночь перед уходом я буквально свалился с ног, и это едва не стоило мне жизни. В двух словах скажу, как это было. Мой случай, наверное, один из многих и потому типических для того времени... Моя семья выехала из Моздока во Владикавказ. Я ее там и нашел. Но во Владикавказе мать внезапно переменила решение. Она сказала, что уезжать в неизвестность не хочет и что она лучше умрет вблизи дорогих мест и могил, чем где-нибудь по дороге. За матерью и сестры мои решили не уезжать из Владикавказа, а выждать время и вернуться в Моздок или Нальчик. Мать отдала наши подводы каким-то чужим людям. Я видел свою семью не более трех раз, и то на минуту. В ночь, предшествовавшую отъезду, я пошел проститься со своими. После прощания вышел на улицу. Где-то стучал пулемет. Всюду было темно и пустынно. Опасность угрожала с каждого угла. Я медленно, держа карабин в руках, шел к отелю «Париж». Благополучно дошел. Но дойдя уже не мог больше двигаться. Это состояние правильно называется смертельной усталостью. Я пошел в свой номер. Не помню как лег, одетый, в постель. А через некоторое время меня разбудил вахмистр 3-й сотни 5-го полка Алибек Шаханов (ныне проживающий в Праге). Оказывается, в общей суматохе меня забыли. Я мог бы проспать до прихода коммунистов, уже приближавшихся к городу. Шаханов случайно заметил свет в окне и пошел посмотреть. Только благодаря этой случайности я выехал из Владикавказа, за что и благодарен Алибеку Шаханову на всю жизнь.

... Наряду с печальными эпизодами были и комические или, правильнее сказать, трагикомические... Однажды, во время приема у князя, в переднюю комнату, где сидел я, вошли два офицера: пьяный до потери сознания ротмистр граф Милорадович, помощник командира 2-го полка, и командир этого полка полковник Чебеняев, трезвый. У него как раз болели зубы, лицо было раздуто флюсом. Милорадович, увидя меня, покачиваясь, подошел и закричал:

- Убью этого мерзавца! Князь, прошу Вас быть моим секундантом!

Полковник Чебеняев так же приступил ко мне и потребовал, чтобы я немедленно доложил правителю, что ротмистр граф Милорадович оскорбил его и он просил арестовать Милорадовича и назначить военно-полевой суд. Я старался успокоить обоих, развести их. В этот момент у князя были дела поважнее пьяных недоразумений. Но пока шли переговоры, на шум вышел князь. Он приказал мне обезоружить графа Милорадовича (огромного детину), посадить его в отдельный номер и приставить караул. Тогда я, зная психологию пьяного человека, вытянулся перед Милорадовичем и сказал ему: - Ваше Сиятельство, по приказанию... И это подействовало. Стараясь сохранить равновесие, Милорадович вынул шашку из ножен, театрально поцеловал ее, всплакнул и передал мне. Я взял двух ординарцев и в сопровождении их отвел графа в свой номер. Там он выспался, а вечером опять сидел внизу, в ресторане, за вином.

Эвакуация Владикавказа началась вечером 11 марта. Войска и беженцы собирались около здания кадетского корпуса, на дороге к Дарьялу. Как я уже сказал, я проспал самый момент выезда штаба и полков из города. Когда Алибек Шаханов меня разбудил, было уже 3 часа ночи. Начинало светать. Мы ехали с ним по абсолютно пустым улицам. Было жутко.

Мертвый город молчал. Ни в одном окне не было света. Издали слышались выстрелы. Кто и в кого стрелял определить было невозможно. Вдруг раздался взрыв. Потом мы узнали, что это офицеры взорвали бронепоезд.

По обоим сторонам дороги, ведущей к зданию кадетского корпуса, вблизи самого корпуса и далеко-далеко, сколько хватало глаза, расположились беженские обозы и войсковые части. Сквозь предрассветный туман виднелись расплывчатые багровые пятна костров. Густые клубы дыма валились вверх, смешивались с мглой. Трудно было отличить небо от земли. Вдруг какой-нибудь просвет - и тогда - издали - заметны были отдельные фигуры: в бурках, башлыках, шинелях. Чем ближе подъезжали мы к лагерю, тем явственнее доносились шум, гул, рев скотины, выкрики голосов. Пальба не прекращалась. Стали попадаться пешие и конные: все спешили к огням. Около первого костра стояли и сидели нахлобученные фигуры. В одной из них я узнал грузина-священника отца Абутидзе, человека лет под шестьдесят. Он, все время встряхивая космами волос, говорил что-то в пол голоса самому себе. Я поздоровался с ним. Отец Абутидзе приподнялся, узнал меня и, сказав: «Что делается, Боже мой, что делается!» - опустил голову, закрыл лицо руками и зарыдал.

Несколько далее расположились кадеты. Их молодые лица были веселы. Кажется, они радовались новому «приключению», им приятно было держать в руках «настоящие» винтовки. Некоторых из этих кадетов, например, Малюгу, я видел как-то на фронте. Эти держались серьезнее.

Для внесения порядка в движение были назначены начальники колонн. Но распоряжения их не выполнялись. Да и трудно было соблюдать порядок при таком скоплении людей и повозок. По дороге двигались в одной «кишке» извозчий экипаж, наполненный дамами и детьми, а за ним артиллерия. Там виделись горские арбы на волах, тут гнали стадо овец, дальше, соблюдая кое-какой порядок, шел офицерский отряд, потом тянулись возы, и снова военные.

Только конные держались вместе. Кабардинские полки с пулеметными командами были в арьергарде. Кабардинцы тронулись часам к 9 утра. Но и вслед за нашим хвостом потянулись отставшие: конные, пешие и подводы без конца и края.

Около Балты к князю подъехала депутация ингушей. Они просили от имени народа и от имени окружных аулов, чтобы князь распорядился выдать им оружие: винтовки, пулеметы и орудия для защиты от большевиков.

Они говорили так: «Вы уходите, а мы остаемся, вы уже ни с кем воевать не будете, а мы будем воевать с коммунистами до победы или смерти».

Надо признаться, что некоторые из кабардинских офицеров поддерживали просьбу ингушей: вероятнее всего, из чувства общегорского солидаризма. Но князь категорически воспротивился выдаче оружия. Ингуши от просьб перешли к угрозам. Но и это не подействовало. Расстались мы с ними недружелюбно. Они называли кабардинцев изменниками адата и Кавказа.

Ночь застала нашу часть колонны у входа в Дарьяльское ущелье. Наш штаб расположился на ночевку в развалинах какого-то замка. Утром, перед тем как покинуть Балту, к князю прибыл неизвестный мне офицер и попросил его от имени генерала Н-ского прибыть на совещание. Князь приказал мне, начальнику конвоя ротмистру князю Чопеллео Урусбиеву и нескольким ординарцам сопровождать его. Мы подъехали к какому-то небольшому дому. Ординарцы остались на улице, а князь Урусбиев и я вошли в дом. Князь поздоровался с присутствующими, из которых я знал в лицо только генерала Н-ского. Было здесь человек семь офицеров, в большинстве в штаб-офицерских чинах. Генерал Н-ский обратился к князю с просьбой выслать Урусбиева и меня из комнаты, на что князь

ответил, что вполне доверяет нам и мы можем слышать все, что пожелает генерал Н-ский сказать самому князю. Тогда генерал Н-ский сказал, что говорит не только от своего имени, но и от имени собравшихся; и что все они пришли к следующему выводу: что все поведение генерала Эрдели вызывает их крайнее возмущение, что генерал Эрдели не способен руководить войсками и вести соответствующую обстоятельствам линию поведения. Что необходимо заменить генерала Эрдели другим, более энергичным и более способным начальником; что заключенное генералом Эрдели соглашение с Грузинским правительством (о пропуске белых войск через Грузию) является позорным; что это соглашение позорит честь русского имени и русского оружия; что, собственно говоря, инициатором этого соглашения являлись казачьи и горские самостийники, как открытые, так и скрытые (под скрытыми самостийниками генерал Н-ский, по видимому, подразумевал терского атамана генерала Вдовенко или членов Терского войскового круга). Далее, генерал Н-ский развивал в общих и неясных чертах план: как следовало бы поступить при создавшихся условиях.

После его слова говорили и другие офицеры. Общий смысл речей сводился к двум пунктам: к смещению генерала Эрдели и замене его другим начальником; к нарушению договора с Грузией. Становилось понятным, что нарушение договора с Грузией должно было состоять в том, чтобы не сдавать грузинам оружия, а наоборот - вторгнуться в Грузию с оружием в руках и пройти через ее территорию к берегам Черного моря. Там войти в сношения с генералом Врангелем, вообще с Крымом, и в то же время удерживать за собой Грузию как возможный плацдарм для положения борьбы с коммунистами.

Следовало предполагать, что человеком, призванным к замене генерала Эрдели, является генерал Н-ский.

Когда все высказались, князь ответил в том смысле, что во-первых, такую замену одного начальника другим в условиях военного времени и почти на фронте военных действий он считает чем-то похожим на военный бунт.

Во-вторых, что ни генерал Эрдели, ни кто другой не смеет нарушать договора с Грузией, так как договор этот заключен не отдельным лицом, а всей Добровольческой Армией; что кроме Дарьяльского прохода в Грузию имеются еще другие: через Баку, через Дагестан, затем - Военно-Осетинская дорога, ведущая через Балкарию и, наконец, побережье Черного моря. Мы не знаем, что делается во всех этих пунктах. И наше самовольное нарушение договора может привести к плачевным последствиям для других отступающих отрядов. Перейдя затем к анализу

положения, создавшегося в Дарьяльском ущелье, князь обратил внимание присутствующих на то, что значительная часть войск уже перешла границу Грузии около Казбека и что наше нападение на Грузию поставит их в невозможное положение. Далее: ведь каждую минуту грузинскую границу переходят наши беженцы и войсковые части. При открытии военных действий и они окажутся в трагическом положении. Наконец, князь сказал, что мы даже приблизительно не можем сказать кого имеем против себя по ту сторону границы. Не исключено, что грузины сосредоточили в Казбеке и Душете большое число единиц; что в случае неудачи нашего нападения мы поставим себя и обозы в положение расстреливаемых с двух сторон: впереди грузины, позади коммунисты и, может быть, ингуши. Каждая задержка в такой ловушке, как Дарьял, является гибельной. Ведь у нас нет запасов провианта и фуража. При таких условиях бросаться в авантюру есть безумие и ребячество. В конце князь несколько смягчил свои слова. Он выразил надежду, что проведя благополучно обозы и воинские части через перевал, мы отдохнем, переорганизуемся и будем продолжать борьбу с коммунистами с новыми силами. Что, дескать, тот пыл и задор, которые он тут видит, ему приятны. Пусть только этот задор приберегут для более удобного случая.

Тогда генерал Н-ский и другие стали возражать князю. Возражения сводились вот к чему. Мост в Казбеке, являющийся грузинской границей, охраняется слабо. Сотня смельчаков может спрятать оружие под полкой шинели, перейти мост и броситься на его охрану. Тогда грузины не успеют взорвать мины, положенные под мост. А после захвата моста все остальное пустяки. наших сил достаточно, чтобы опрокинуть войска «кукурузной республики» и чтобы отражать нападения коммунистов и ингушей. Самое важное - решимость. Захватив Грузию, мы будем хозяевами положения и с этого захвата, быть может, начнется новая эра борьбы с коммунистами. Ведь и в самой Грузии много желающих поддержать Добровольческую Армию и сбросить меньшевистское самостийное правительство. Что касается договоров, то в наше время на них никто не обращает внимания и т. д.

Интересно, что из этой беседы выяснилось, что заговорщики, оказывается, распределили роли между собой и назначили роли отдельным войсковым частям. В частности, очень большая роль предназначалась Кабардинской дивизии. Эта дивизия была у них «на хорошем счету». Они считали ее «надежной».

Как я мог заметить, князю эта беседа была крайне не по душе. Он несколько раз порывался проститься и уйти, но его задерживали. Кто-то

из офицеров высказывал вслух мысль, что-де присутствующие молодые кабардинские офицеры, наверное, смотрят иначе на дело, давая этим намеки на то, что-де князь стар и осторожен, а мы с Урусбиевым молоды и отважны. В ответ на это Урусбиев засмеялся, а я смолчал. Тогда другой офицер прямо обратился ко мне (что было верхом нетактичности) и спросил что я думаю об этом деле. Я ответил, что думаю так, как мне прикажет Его Сиятельство.

После этого князь встал и решительно простился. Тогда генерал Н. схватил князя за рукав черкески и стал просить «одну минутку разговора наедине». Они вышли вдвоем в соседнюю комнату. Действительно, через минуту вышли обратно. Когда мы выходили из комнаты, где происходил неудачный заговор, некоторые офицеры громко говорили:

- Все равно не сдадим оружие грузинам... мы будем воевать до последней капли крови.

Кое-кто из них, кажется, не прочь был открыть военные действия против нашей группы. Я подумал, что мы не напрасно взяли с собой часть ординарцев.

Впоследствии из нескольких оброненных князем слов я догадался, что генерал Н-ский уводил князя в другую комнату для того, чтобы попросить его не говорить генералу Эрдели и другим высшим начальникам о происшедшей беседе. Кажется, князь это пообещал, но я никому слова молчать не давал и считаю возможным рассказать здесь об этом эпизоде, как весьма характерном для того времени - для времени борьбы между генералом Врангелем и генералом Деникиным... заговора капитана Орлова и пр.

Мы догнали свои части в 22 километрах от Балты. Погода была отличная, солнце светило, воздух был свежий, весенний. Все радовалось. Но перед людьми, идущими и едущими по Военно-Грузинской дороге, открывалась безрадостная перспектива.

Только что мы приблизились к своим, вдруг со стороны Балты послышались выстрелы. Сначала разрозненные и как бы случайные, потом чаще, и еще через несколько минут не оставалось сомнений, что в районе Балты происходит настоящая стычка. Тотчас по колонне пробежала волна паники: «большевики нападают!». Надо вспомнить, что колонна была вытянута на расстоянии десятков километров по дороге, у которой слева зияла пропасть, с бегущим по ее дну Тереком, а справа почти отвесная стена. Руководствуясь слепым инстинктом, люди спешили

вперед, нагромождались друг на друга. Вперемешку между воинскими частями шли и ехали «беженцы». Удерживать их от волнений было, собственно говоря, задачей невыполнимой.

Князь, как начальник арьергарда, немедленно выслал сотню кабардинцев назад, в направлении Балты, на разведку. Князь и сам, с несколькими офицерами и ординарцами, повернул коня назад, вслед за выехавшей сотней. Не проехали мы и полкилометра, как навстречу нам стали попадаться скачущие сломя голову всадники. Это были «отставшие». Некоторые из них были настолько перепуганы, что не остановились, несмотря на наши крики. Они стихийно устремлялись вперед - врезывались на всем скаку в повозки, и тем еще больше «разводили панику». Между тем, на гребнях гор, за которыми находилась Балта, появились темные точки. Оттуда посыпались выстрелы: ружейные и пулеметные.

Один из скачущих, поручик Ассан Бабаев, осетин из г. Моздока, остановился, когда мы встали поперек дороги. Он был ранен в бедро. От него (а потом и от других лиц) удалось выяснить следующее: когда компактные воинские части вышли из Балты, то там еще оставалось довольно много отставших. Некоторые из них закупали провизию, некоторые спали, некоторые просто задержались, без особой причины. Все было тихо и спокойно. Вдруг послышался топот, крики. Это напали на отставших ингуши. По словам поручика Бабаева некоторые ингуши имели на папах красные ленты - знак большевистских партизан.

Сколько человек ингуши ранили или убили в Балте выяснить невозможно.

Движение нашей сотни, направленной в Балту, было крайне затруднено характером местности: дорога извивалась, местами были прикрития, а местами приходилось идти под сильным метким огнем. Сотня отступила, чтобы спешиться и отвести коней. Князь распорядился спешить еще одну сотню. Наши всадники и офицеры с ручными пулеметами и (взятыми для устрашения) бомбометами медленно продвигались к Балте. Их задачей не было взятие Балты, но охранение колонны. Поэтому, выбрав подходящие позиции, всадники залегли и открыли по ингушам огонь. Князь вышел так же на линию огня. Ингуши пробовали продвигаться вперед, но без особого воодушевления и без успеха. Однако причиняемый ими вред требовал энергичных действий. Князь послал одного из офицеров к ближайшей артиллерийской батарее с просьбой подтянуть орудия к месту боя и посыпать ингушей шрапнелью. Офицер-артиллерист, командовавший батареей, заявил, что без приказа генерала Н-ского он

ничего не смеет предпринять. Кстати тут сказать, что этот офицер был одним из тех, кто часа два назад рвался воевать с грузинами. Сейчас батарея находилась вне досягаемости ингушских пуль. Командир батареи решил «не воевать».

Тогда князь выбрал расторопного всадника (а именно уже упомянутого мною Алибека Шаханова, вахмистра 5-го Каб-конполка) и послал его вдоль колонны с приказанием найти генерала Н-ского и передать ему закрытый пакет. Не может быть сомнений в том, что в этом пакете было требование к генералу Н-скому, чтобы он приказал артиллеристам слушать приказания начальника арьергарда и вступать в перестрелку тогда, когда этого требуют обстоятельства. Алибек Шаханов поехал в сторону Грузии. Ехать приходилось медленно: путь был забит. Кое-как он добрался до Казбека. Грузины хотели его обезоружить (на мосту), но он заявил им, что едет с фронта с донесением на имя генерала Н-ского и что потом опять вернется на фронт. Грузины поверили на слово и пропустили. Генерал Н-ский находился в этот период на Грузинской территории, он вел переговоры относительно порядка следования артиллерии и танка. Я забыл сказать, что в колонне находились один или два танка. Если не ошибаюсь, один из них пришлось оставить, так как в нем испортилась машина. А другой добрался до Грузии. Что с ним было потом, не знаю. Во время описываемого столкновения с ингушами некоторые офицеры предполагали пустить против ингушей танк. Это было неисполнимо по многим причинам, и в том числе по причине нахождения танка среди обозных повозок: ему невозможно было повернуться.

Пока Алибек Шаханов ездил с донесением, перестрелка продолжалась. Какие-то смельчаки из ингушей вылезли на гребень, близкорасположенный к дороге. Выстрелы этой группы поражали уже не только спешенный и выдвинутый в виде прикрытия кабардинский дивизион, но и хвост колонны. (Отмечу, что движение колонны зависело от каждого колеса: одна сломавшаяся на пути арба задерживала всю «кишку», кроме того, грузины пропускали через мост довольно медленно). Пули залетали и на батарею, не желавшую стрелять. На батарею кого-то ранили. Тогда между офицерами-артиллеристами возник спор. Одни требовали, чтобы было исполнено приказание князя Бековича-Черкасского и чтобы хотя бы одно орудие выехало на позицию и открыло огонь. А другие противились этому. Некоторые кабардинские офицеры пошли на батарею и стали стыдить артиллеристов, упрекать их в отсутствии военной спайки и трусости. В конце концов одно или два полевых орудия подтянули к позиции, откуда можно было пугнуть ингушей. При этом часть пути тащили пушки на руках. Образовалась

толпа (вокруг пушек), очень пригодная для пристрелки. Ингуши открыли по толпе огонь, некоторых ранили. Кажется, был один убитый. Как только заговорили орудия - ингуши присмирели. Перестрелка продолжалась и дальше, продолжалась она до вечера, но уже без каких-либо результатов. Часов около двух дня князь передал командование на этом неожиданном «фронте» одному из подчиненных и уехал.

Чтобы потом не возвращаться к этому эпизоду, добавлю, что ингуши, хотя и не предпринимали серьезных акций, все-таки и не отставали. Они шли за хвостом колонны, обстреливая и беспокоя ее. Так что когда наши части к вечеру подошли к грузинской границе, они сдавали оружие, еще горячее от выстрелов. Мост у Казбека видел в этот памятный день много тяжелых драм. Некоторые всадники, солдаты и офицеры не желали расстаться с оружием - снимали его и бросали в пропасть, бросали в Терек.

...К сожалению, я не помню в какой именно момент и в каком пункте произошло примирение между генералами Эрдели и Н-ским. По-видимому, это произошло в день боя с ингушами. Хорошо помню, что на небольшой площадке, между скалами, стоял сам генерал Эрдели со своей свитой и конвоем. Генерал Эрдели был в бурке. На груди у него висел бинокль. Бурка и бинокль мешали его движениям. К генералу Эрдели подъехал князь Бекович-Черкасский, спешился, поздоровался. Еще через несколько минут подъехали офицеры в шинелях, с золотыми погонами. Впереди других ехал генерал Н-ский. Он спешно сошел с коня и быстро подошел к генералу Эрдели со словами:

- Ваше Высокопревосходительство! Мы ожидаем приказания о сдаче оружия... Генерал Эрдели всхлипнул, поднял руку к папахе и, едва слышно, произнес:

- Приказываю, Ваше Превосходительство...

И оба генерала бросились в объятия друг друга.

Я в это время разговаривал с конвойцами генерала Эрдели, узнавая от них подробности гибели моего друга Девлет-Гирея Бековича-Черкасского, убитого под Пятигорском (см. выше. Убит он был под Нагутом, зелеными и другими бандитами).

Помню еще картину: ночь в Дарьяльском ущелье. Надо вообразить себе громаду гор, тесноту ущелья. Неподалеку ревет и мечет волны Терек. Дорога все время вьется, подчиняясь прихотливому бегу реки. Кое-где расширяется проход - тут поляны, кусты, деревья. На ночлег выбирали

именно такие широкие места, но не всегда и не всем удавалось их захватить. Обоз выстраивался рядами. Семейные расстилали бурки, устраивали жен и детей. При этом (как и всюду) необходимо было соблюдать горский этикет. Я никогда не забуду впечатления от табора семьи Суншевых. Они сидели вокруг костра из сырых дров. Старшие ближе к огню, молодежь стояла, носила дрова, воду. На костре жарили шашлыки из тут же зарезанного барана. Кипел котел. Женщины находились в стороне, занятые приготовлениями к ужину. Все было мрачно. Плакал укачиваемый ребенок. В эту ночь, от горя и тоски, я выпил большое количество араки, чтобы утешить свою боль. Потом выбрал ложбинку, собрал сухие листья, завернулся в бурку и заснул на камне.

Все это, в целом, напоминало переселение народов.

Вот, наконец, и наши части приблизились к мосту через Терек, около сел. Казбек (оно называется так по имени горы Казбек, господствующей над округой). Мы находились вблизи перевала. Погода испортилась. Дул ветер, падал снег и таял. Все были утомлены до последней степени. Нервы, измученные дорогой, переживаниями и перестрелкой с ингушами, отказывались служить. Был уже вечер. Грузины, которым не однажды пришлось столкнуться с нарушением договора о сдаче оружия, ошупывали проезжающих через мост. Сдавать надо было огнестрельное оружие. Шашки и кинжалы оставлялись нам. Грустно было расставаться с револьвером, с которым я не расставался всю гражданскую войну, но ничего нельзя было поделать: снял и отдал со шнуром.

При переезде через мост нередко случалось, что всадники отделялись от подвод, на которых лежали их вещи. Благодаря этому некоторые злонамеренные люди имели возможность проявить свои наклонности: кое-кто уже не нашел впоследствии вещей - они были украдены и при этом украдены «своими».

На ночь мы устроились в грузинском ауле, расположенном на склоне горы против сел. Казбек (в самом селении находились грузинские войска, штаб которых под начальством, если не ошибаюсь, генерала Джугели, расположился в отеле, вернее - большом духане). Легли спать поздно, встали тоже поздно. А когда встали, узнали новость: оказалось, что грузины имели инструкцию арестовывать всех добровольцев грузинского происхождения. Это распоряжение, как выяснилось потом, основывалось на том, что некоторые добровольцы грузинского происхождения воевали с грузинами на так называемом Сухумском фронте. Теперь их решили

наказать за измену родине. Так как и я грузинского происхождения, то и меня могла ожидать подобная же участь. Не желая находиться в положении зверя, на которого ведется охота, я взял с собою двух ординарцев и поехал в грузинский штаб, чтобы выяснить свое положение на сей случай. Я надеялся, что меня не арестуют, так как на Сухумском фронте я никогда не был.

Приехав в штаб, я представился грузинским офицером и объяснил причину своего посещения. В ответ они странно рассмеялись и сказали: «пойдите, разбудите вон того человека, который спит с головой под одеялом». Я думал, что со мною шутят. Но они серьезно настаивали на своем, говоря при этом, что от этого спящего зависит моя дальнейшая судьба. Тогда я подумал, что, вероятно, это спит генерал Джугели. Подошел к нему и осторожно разбудил. Каково же было мое изумление, когда из-под одеяла вынырнула недовольная включенная голова моего брата, князя Ромуальда Чхеидзе (неродной брат, но единственный, кроме меня, из оставшихся в живых мужчин нашей семьи). Я знал, что Ромуальд уже давно вернулся в страну наших предков, поступил на грузинскую военную службу и даже успел прославиться в военном деле, но не знал, что именно он командует отрядом, поставленным у Казбека против «белых». Наше свидание было очень сердечным. Он предлагал мне остаться и поступить на грузинскую службу. Но я отклонил это предложение, ссылаясь на боевое братство с кабардинским народом, в семью которого я был принят с давних пор. Брат снабдил меня деньгами (грузинскими бонами) и отпустил.

Путь из Казбека в Мцхет через Коби, Пасанаур, Ананур и Душет был тяжелым. Тут была трудная дорога, ставшая еще труднее после проезда по ней десятков тысяч людей и коней. В Душете мы немного отдохнули. Здесь уже не было снежных метелей. Здесь весна была в полном разгаре.

В Душете собрались грузины из соседних селений, прибывшие с «торговой» целью: они скупали лошадей, покупали также и вещи. Многие кабардинцы расстались здесь со своими верными друзьями-конями.

В Мцхете мы задержались на несколько дней: ожидали, когда освободятся вагоны, в которых нас должны были перевезти в Поти. В Мцхете произошли такие события. Пришел приказ о задержании и аресте правителя Кабарды князя Бековича-Черкасского. Арест этот носил скорее формальный характер. Произведен он был по требованию части грузинских социалистов, инспирированных советским правительством. Князь сидел в Тифлисе (вместе с некоторыми другими военачальниками) в Метехском замке. Его жена находилась одно время в Поти, а потом в

Батуме. По настоянию добровольческих кругов (и, кажется, англичан и французов) князь впоследствии был освобожден и из Батума, на пароходе «Возрождение» прибыл в Феодосию. Отступая от своего изложения, тут же скажу, что за время своего ареста и освобождения князю пришлось пережить некоторые приключения, интересные и характерные для той эпохи. Один момент потеряны были надежды на его скорое освобождение легальным путем. Тогда князь написал письмо генералу Врангелю, который уже стоял во главе Крымских войск, прося его о содействии.

Князь надеялся бежать из Метехского замка (с помощью знакомых грузин) и пробраться в Батум. Князь просил генерала Врангеля устроить его дальнейший переезд из Батума в Крым. Предполагалось совершить этот переезд на каком-либо английском судне (это потому, что пассажирские и торговые пароходы подвергались таможенному осмотру и князя могли снова арестовать). Свое письмо князь переслал с верными людьми в Крым. Я был снаряжен с этим письмом к генералу Врангелю. Я был на приеме у генерала Врангеля, которому изложил все дело. Но к этому времени генерал Врангель уже имел сведения, что князь, в числе других арестованных грузинами, будет освобожден и что версия с побегом отпадает.

В самом деле, князя освободили. Он прибыл в Батум и там погрузился на «Возрождение». Но и здесь не обошлось без забот. Матросская команда этого парохода была настроена крайне большевистски. Офицеры, плывшие на этом пароходе, вынуждены были держать днем и ночью караул - наблюдение над поведением матросов. Корнет Н. М. Стельмашенко так же находился на борту. Он рассказывал, что матросы пытались повернуть корабль в какой-либо советский порт (на побережье Черного моря) и что однажды они заложили адскую машину, которая не взорвалась, так как ее вовремя заметили и обезвредили.

...В Мцхете выяснилось, что нас перевезут в Поти, а что дальше будет - неизвестно. Одни говорили, что грузины раскassiруют остатки белых армий. Другие, что грузины пригласят нас (особенно военных нерусского происхождения) на свою службу. Третьи, что нас выдадут большевикам. Все эти слухи и разговоры действовали на людей угнетающим образом. А когда более оптимистические участники бесед говорили, что нас не выдадут, а перевезут в Крым и что мы и дальше будем воевать, то и это не вызывало энтузиазма. Ведь все знали, что переезжать в Крым придется без лошадей. Беззащитная конница - это нечто худшее чем обычная пехота - так рассуждал рядовой! Одним словом, настроение было подавленное. С арестом князя настроение еще более упало. Этим объясняется то, что часть людей разбрелась по Грузии одиночным порядком. Кое-кто

простился и повернул назад. Но не через Военно-Грузинскую дорогу, а через другие перевалы: назад, домой. Еще некоторые ушли в Дагестан. Были и такие, которые получили приглашение служить у армян. В числе последних были полковник Онуфриев (с неизменной своей спутницей Ек. Ник., женой), штаб-ротмистр Ибрагим Лафишев, ротмистр Сумбат Турпаев и другие. Около 20-25 человек офицеров и всадников уехали к армянам.

Менее связанные с военной службой, а также семейные уезжали в Тифлис, в Батум, в Баку (в Баку уезжали преимущественно магометане, у которых были связи с азербайджанцами). Наконец, были и такие, которые успели укрепиться в самом Мцхете и окрестностях. Ведь это было время полевых работ. Я помню примеры, когда люди брали подводы с конями и нанимались на работу к местным жителям.

Время тянулось медленно. В Мцхет прибыла грузинская комиссия, среди которой были уполномоченные оценить стоимость коней и купить их. Тут же всем пришлось расстаться с конями. Числа 20-го или 21 марта на станцию Мцхет подали поездной состав для кабардинцев. Когда мы пошли грузиться, стало ясно: как много людей растеряли по дороге, как малочисленны наши ряды. От шестиполковой дивизии, с таким торжеством въезжавшей в начале марта во Владикавказ, остались жиденькие сотни. Вероятно, кабардинцев было в этот момент не более 500 человек (строевых)... Как уже говорил выше, причин «отставания» и «распыления» было много. В Мцхете были отдельные случаи, когда люди вдруг решали уходить назад только потому, что не желали расставаться с конем.

Итак, 20-го или 21 марта для нас подали эшелон. Впервые в истории кабардинского народа его воинство двинулось по «образу пешего хождения». Всадники роптали. Офицеры чувствовали себя в высшей степени неловко. Чувство стыда за проигранную кампанию было преобладающим. Ведь это мы, офицеры, вели людей, подавали им пример, распоряжались их судьбой, их жизнью. И вот наступил момент, когда мы все, обезоруженные и безлошадные, навьючив на плечи переметные сумы, седла, хурджины и тому подобное барахло, поплелись пыльной дорогой на вокзал. Шли в молчании. Если бы не вино и другие спиртные напитки, поглощаемые в большом количестве на последние деньги - вся эта история была бы невыносимой. Я говорю: они многих из нас спасли от последнего отчаяния.

На вокзале нас встретили грузинские офицеры и солдаты. Они были вооружены. Получалось нечто вроде того, что мы очутились на положении военнопленных. Грузины сообщили, что нас перевезут в Потти и поместят в лагере, в палатках, в 2-3 километрах от города. Если не ошибаюсь, ранее нас в этом лагере содержались пленные солдаты турецкой армии (до 1917-1918 годов). Кроме того, грузины предупредили нас, что никто из едущих с эшелоном не имеет права выходить из поезда на станциях железной дороги. И что если кто-нибудь самовольно покинет свою часть, тот будет арестован. Безусловно, эти меры предосторожности были необходимы. Однако нам, интернированным, не было легче от сознания такой необходимости.

Путь от Мцхета (через Гори) в Потти мы проделали в течение суток. Никаких особенных происшествий в дороге не случилось. 22 марта наш поезд остановился за станцией Потти, на товарных путях. Дело было перед вечером. Нам сообщили, что сегодняшнюю ночь мы проведем в вагонах, а завтра с утра отправимся в лагерь. Так как разгуливать по станции было запрещено, то некоторые из нас (в том числе я) не двинулись с места, а продолжали валяться на пополах, на полу вагона. К вечеру около нашего вагона остановился какой-то офицер и крикнул: нет ли тут князя Чхеидзе? Я высунул голову, спросил кому и что угодно от меня. В ответ вместо слов я вдруг услышал рыдания - плакала женщина. Тогда я вышел из вагона и встретил свою сестру, Софию. Оказывается, с ней приключилась такая история: она выехала со своим мужем есаулом артиллерии Медяником (его отец Л. Медяник, член Госдумы, был вторым атаманом Терского войска, первым был генерал Караулов). Выехали из Владикавказа ранним утром в тот самый день, что и наши кабардинские части. Когда доехали до кадетского корпуса, муж моей сестры вспомнил, что оставил на квартире какие-то вещи. Вопреки просьбам сестры и других лиц он вернулся в оставленный город. И после этого его уже никто не видел. Сестра надеялась найти его в Казбеке, потом в Душете, потом в Мцхете. Но вот уже она была в Потти, а муж не находился. В Потти от общих знакомых она выяснила, что ее муж наткнулся во Владикавказе на ингушей, которые его убили.

В Потти прибывшие с Северного Кавказа воинские части и беженцы распределились на три части. Меньшая, так сказать, привилегированная часть поселилась в самом городе, кто в отелях, кто «приватно». Огромное большинство находилось в лагере, в палатках. Тут были казаки, кадеты, лоскутки разнообразных (в большинстве эфемерных) полков и отрядов - вроде «Полка бессмертных гусар» - Александрийских; тут же расположились и наши кабардинцы. Часть беженцев, преимущественно

молодежь, так же поселилась в палатках. Молодежь вносила оживление в монотонную жизнь лагеря. Кто-то из них избрал шутку: наименовал отдельные ряды палаток улицами, а пустые пространства между палатками площадями, - в согласии с наименованиями Владикавказа. Так что и тут, в лагере, можно было пойти на Офицерскую улицу, или Александровский проспект, Соборную площадь и т. д. Третью часть составляли семейные, а также женщины и дети, оставшиеся без мужчин. Семейные жили в деревянных бараках, на краю Поты, идти к ним (от лагеря) надо было через весь город. Те из северокавказских «эмигрантов», которые жили в городе, пользовались свободой передвижения. Те, кто жил с семейными в бараках, имели постоянный пропуск в город. А те, кто жил в лагере, должны были каждый раз просить о разрешении выйти за черту лагеря. В сущности, это была простая формальность. Ее исполняли только офицеры, да и то не все. Исполняли, чтобы не ставить себя в положение «пойманных школьников».

Кормили нас грузины, и кормили довольно скудно. Люди продавали все, что могли, чтобы прикупить что-либо к еде. Но удивительное дело: для водки и игры в карты денег всегда бывало достаточно.

На Пасху в лагере служили богослужения. В бараках, в городе, в лагере - всюду виднелись подвыпившие военные. Эта Пасха (1920) была для многих из нас первой Пасхой, проведенной в полунищенских условиях и последней (до сих пор), проведенной на родной земле.

За время пребывания в Поты наши сведения о том, что собственно произошло на Северном Кавказе между февралем и мартом, расширились. Мы узнали о новороссийской катастрофе, о новой кампании в Крыму, о переменах в высшем командовании и т. д. Шли разговоры о том, что вот мы переедем в Крым, получим лошадей и снова пойдем воевать. Надо отметить, что абсолютно никакой политической работы среди воинских частей не вел никто. Сейчас, когда вспоминаю об этом, это кажется просто невероятным: ведь огромная доля коммунистических успехов основана на умелой и непрерывной пропаганде и так сказать самопропаганде.

Не было в лагере и военных занятий. Жили люди, как трава: спали, ели, курили, ходили «туда-сюда», беседовали, сидя около палаток - и снова спали. Офицеры играли в карты, читали, курили и тоже беседовали. Кто имел знакомых в городе или бараках - ходили туда. Выпивали. Лично я очень многим обязан этому месяцу, проведенному в Потийском лагере. За этот месяц вынужденного отдыха (первого отдыха за время гражданской войны) я собрал массу материалов о гражданской войне в Кабарде,

Балкарии, на Волге и других местах, кроме того, за эти дни, вечера и ночи, проходившие в длинных беседах с офицерами и всадниками, я собрал и литературный материал: сказки, легенды, повести и т. д., который не исчерпан мною до сих пор.

К середине апреля положение более-менее выяснилось. Уже было известно, что грузины согласны выпустить нас из лагеря для переправки в Крым. О крымских делах ходили фантастические слухи: что-де там величайшая дисциплина, что войска генерала Слащева непобедимы, что Крым так хорошо защищен (природой и людьми), что там можно сидеть и воевать много лет. Должен отметить, что в самом деле многие из нас смотрели на Крым как на неприступную крепость и надеялись, что в случае чего мы можем «отсидеться» в Крыму. Можем удерживать Крым целые годы... Далее говорилось, что войска, отступившие на побережье Черного моря, уже переехали в Крым и что их приняли там очень хорошо. Что Крымской армии помогают союзники: дают обмундирование, оружие, провиант и т. д.

Но были и противоположные слухи. Говорили, что в Крыму уже были антибелые восстания и что Крым обречен. Говорили о движении капитана Орлова и недоумевали: как к нему относиться.

Но помимо всех этих разговоров и над ними существовало простое убеждение: борьба с коммунистами не окончена; эту борьбу можно и нужно продолжить в Крыму; при первой возможности наше начальство найдет средства и способы перевести нас в Крым - и мы туда поедem, как только нам об этом скажут.

В самом деле, начиная (если не ошибаюсь) с 20 апреля наши части стали грузиться на пароходы. Грузились на пристани, где рядом стояли пассажирские пароходы и коммерческие. Грузились скорее весело. Это потому, что жизнь в лагере надоела и потому еще, что надеялись найти в Крыму лучшее будущее.

Пароходы совершали рейс из Поти в Феодосию обычным путем (вдоль берега почти до Новороссийска и потом круто влево к Крымским берегам). Английские миноносцы сопровождали нас в плавании.

Лично я, вместе с сестрой, семьей князя Бековича-Черкасского и другими погрузился числа 22 апреля (после ухода нашей сводной кабардинской бригады) и, насколько помню, прибыл в Феодосию 23 апреля, на день св. Георгия. Этим и закончился этап гражданской войны на Кавказе и начался новый этап - Крымский.

